

Восторг, моя Флоренция

Автор:

Джесси Чевфи

Восторг, моя Флоренция!

Джесси Чевфи

Ханна отправилась во Флоренцию без определенного плана, понимая лишь пару слов по-итальянски и не зная там ни души. Из-за многочисленных диет она подорвала свое здоровье, в том числе душевное, и теперь надеется вернуться к прежней жизни и поверить в собственную красоту именно здесь, в городе, насыщенном красотой вечной и неоспоримой. Ее ждут взлеты и падения, уютные переулки и ароматы местной кухни, роман с итальянским красавцем, а также необычное расследование в одной из старинных частных библиотек...

Джесси Чевфи

Восторг, моя Флоренция!

Jessie Chaffee

FLORENCE IN ECSTASY

Copyright © by Jessie Chaffee 2017

© Андреев А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Ее переполнила любовь, и она почувствовала невероятное насыщение, которое, несмотря на то, что она его ощущала, смешивалось с чувством невообразимого голода.

Анджела из Фолиньо,

«Книга Анджелы да Фолиньо»

Вам кажется, что аккуратно подстриженная и причесанная вещь, которую вам показывают, и является правдой. Однако это все, что угодно, но только не правда. Правда – это что-то невероятное, правда – фантастика. Правду можно увидеть в том, что кажется кривым зеркалом.

Джин Рис,

из романа «Доброе утро, полночь»

Пролог

Это утро ничем не отличается от всех остальных, что я провела во Флоренции за последний месяц. Слишком часто я рано просыпаюсь. Каждый раз открываю глаза и вижу предрассветное небо, слышу писк комаров, а также звуки открывающихся и закрывающихся ставен на окнах. Нередко мне снятся кошмары, в которых слышу громкие звуки хлопающих дверей и чувствую порывы сильного ветра. Мне кажется, что во сне я слышу, как чьи-то изможденные тела бросает на расшатанные ставни. Каждое утро я открываю глаза и на фоне фиолетового неба вижу здания вокруг палаццо Веккьо[1 - Старый дворец, здание во Флоренции, на площади Синьории, построенное в 1299-1314 гг., одно из наиболее известных строений города (прим. пер.)]. За время, проведенное здесь, я уже привыкла к виду из окна. Сейчас я живу в пустой квартире, которую сняла. Этим утром я зажгла спираль против комаров с запахом цитронеллы и подошла к окну. В переулке последний клиент находившегося внизу бара надел

на голову пурпурный шлем, сел на мопед и выехал на улицу Маленчини. Звук мотора мопеда постепенно исчез. Мимо моего окна стремительно, словно брошенные невидимой рукой дротики для игры в дартс, стали носиться птицы. Раннее утро для птиц – это время кормежки.

Утром, как и во все остальные дни, я жду восхода. Первые лучи солнца освещают город, который до этого был окутан мраком. Я вижу уже не просто серое пространство, а черепичные крыши, водосточные трубы, беленые стены, брусчатку на мостовой и отражение солнца в окнах. Свет рисует картину города. Когда я вижу все это, то по-настоящему чувствую себя живой. В такие мгновения я не чувствую себя одинокой, я ощущаю, что город со мной. Но потом, когда солнце поднимается выше, то узоры света и тени блекнут, и я понимаю, что впереди у меня длинный день. Что-то незримо меняется.

Я иду в ванную, снимаю майку и пижамные штаны и отодвигаю от стены оранжевые весы. Весы движутся по синей плитке и, попадая в пазы между ними, издают звук, похожий на стук вагона на стыках пути. Я проверяю, чтобы стрелка весов стояла ровно на нуле. Я никогда не жульничаю. Становлюсь на весы и смотрю, как стрелка сначала бешено мечется из стороны в сторону, а потом останавливается. «Хорошо», – произношу я вслух и провожу ладонью по лицу, вниз по руке и животу. «Хорошо», – повторяю я голосом, в котором слышится чуть больше решимости, чем необходимо, смотрю на свое отражение в зеркале и пытаюсь убедить его в том, что все именно так и обстоит. Я одеваюсь, завязываю в хвостик свои темные волосы, привожу себя в порядок и поднимаюсь на кухню, думая: «Сегодня все будет совсем по-другому».

Я открываю высокую дверь с жалюзи из деревянных реек и выхожу на небольшой балкон. Пол балкона покатым в сторону улицы, так что кажется, что я могу соскользнуть с него вниз во двор. Балкон – это одна из причин, по которой я сняла эту квартиру, несмотря на то что почувствовала в животе сосущую пустоту, когда хозяйка назвала мне цену. Женщина увидела ужас на моем лице и показала мне другую квартиру, гораздо меньшего размера, сказав хриплым голосом на итальянском: «Эта гораздо дешевле», но я просто не смогла, не смогла. Мне нужен свет. «Нет, – сказала я ей. – Нужна другая, светлая». Хозяйка окинула меня скептическим взглядом и повторила: «Дорого, дорого, дорого». – «Не страшно, – соврала я. – Мне нужен свет, свет, свет». Теперь, когда я спускаюсь вниз и вижу хозяйку, она смотрит на меня странным взглядом.

Конец августа. Вот уже несколько недель окна квартир в здании напротив оставались темными и пустыми, за исключением одного, в котором этажом ниже моего я наблюдала старую женщину, сидевшую весь день, положив руку на подоконник. Иногда эта женщина готовит соус, запах которого поднимается вверх к черепичной крыше и который я отчетливо чувствую. Но сегодня утром этой женщины не было видно пока что. Все итальянцы уехали из города на побережье. По всему городу на дверях магазинов я вижу объявления со словами: *Chiuso per ferie fino al 1 Settembre*. Эти объявления написаны от руки небрежным почерком, словно должны сообщать о том, что продавщица ушла всего на пять минут, хотя на самом деле сообщают о том, что магазин начнет работать первого сентября. В городе много туристов, которые толпятся на площади перед кафедральным собором Дуомо, он же собор Санта Марии дель Фьоре[2 - Кафедральный собор во Флоренции, самое знаменитое из архитектурных сооружений флорентийского кватроченто. Находится в самом центре города, на соборной площади (прим. пер.).], с самого раннего утра занимают очередь в галерею Уффици, торгуются на Центральном рынке, кричат водителям автобусов, чтобы те остановились и их подождали, и вообще ни на кого не обращают внимания, идут с мороженым, которое течет им на ладони, а по вечерам слушают, как итальянские музгруппы исполняют на площадях каверы Beatles. Все это безумное шараханье туристов по городу повторяется день ото дня, ночь от ночи. Все туристы смотрят только вверх, всегда вверх. Они смотрят на фрески на потолках церквей, на ряды мадонн в музеях, на огромную голову, руки и ноги Давида, на стоящих, как истуканы, на улицах города загримированных мимов, которые делают движение только тогда, когда слышат звук упавшей в стакан монетки, на здания, украшенные по углам скульптурами летящих ангелов.

Я, собственно говоря, мало отличаюсь от этих туристов. Каждый раз, когда я вечером прохожу по площади Синьории[3 - L-образная площадь перед дворцом палаццо Веккьо во Флоренции (прим. пер.).], то поднимаю голову и смотрю на золотого льва, украшающего крышу палаццо Веккьо, задерживаю взгляд на Нептуне в фонтане перед зданием, оглядываю подсвеченные снизу изгибающиеся скульптуры в нишах по углам здания, смотрю на скульптуру сабинянки, извивающейся в руках своего похитителя, внимательно рассматриваю ее от постамента до кончика указывающего на небо пальца. «Во всем этом есть что-то большее», – думаю я.

– Signorina.

Синьора Роза. Какое благозвучное и нежное имя. Она наверняка чья-то бабушка. Высокая, с нимбом седых волос. Внешний вид обманчив, и, видимо, исключительно по ее внешнему виду я сделала предположение о том, что она будет со мной мягкой. Но у нее оказались сплошные острые углы. Как только я закрыла дверь квартиры, она появилась внизу и искоса посмотрела на меня. Что она хочет? Скоро сентябрь. Следующий месяц. «Только наличными», – сказала хозяйка, когда сдавала мне эту самую дорогую квартиру. Только наличные, перед началом следующего месяца.

– Signorina, – повторяет хозяйка хриплым голосом. На самом деле обращение Signorina предназначено для девушек, которые гораздо младше меня, и даже для девочек. Мне хотелось бы поставить ее на место, сказать, что я обязательно ей заплачу, но я не в состоянии найти слова, чтобы сказать это по-итальянски. Поэтому только и произнесла: «Да, да, извините, минутку» – и направилась в банк снимать деньги, которые тают, как весенний снег. Я дотяну до сентября, но потом деньги закончатся. Однако после того, как на широкой лестничной площадке первого этажа я передала ей купюры, то почувствовала себя совершенно свободной.

Каждое утро я гуляю, снова и снова обхожу кости Флоренции, бреду по уже знакомому маршруту сквозь толпы гостей города, которые совершенно не обращают на меня внимания, – группы туристов, семьи, студенты, приехавшие сюда на летние каникулы. Они не знают, кто я и откуда. Сегодня я гуляла до тех пор, пока мне не показалось, что кожа на ступнях вот-вот загорится, а сами ноги начали подкашиваться. Меня едва не тошнило от запаха мусора, который навален здесь на каждом углу. Когда я добралась до места, где всегда заканчивала свои прогулки – на каменной набережной реки Арно в центре города, – голова ужасно кружилась и все мысли куда-то улетучились. Я облокотилась на парапет и почувствовала исходящее от камня тепло. Вокруг меня толпились туристы, снимающие на свои фотоаппараты мост Понте-Веккьо. Все они делали практически один и тот же снимок.

В тени моста на узкой набережной расположена территория гребного клуба. Даже в такое жаркое время дня гребцы отчаливают от набережной, и их лодки рассекают тихие воды Арно. Я уже много раз с этого самого места наблюдала за тем, как молодые гребцы-итальянцы выносят из здания клуба байдарки для

академической гребли. В движениях этих мужчин есть что-то успокаивающее, они несут свои лодки, словно гроб, и аккуратно спускают их на воду.

Но сегодня я совершенно неожиданно увидела не гребцов-мужчин, а женщину, которая вынесла на плече свою байдарку. Весла она держала другой рукой, прижав их к бедру. Кроме женщины, на пирсе около клуба больше никого не было. Выглядела она совершенно спокойной. Я внимательно наблюдала за тем, как она бережно водрузила деревянную байдарку на воду, потом вставила в уключины одно весло, затем другое. Она подняла голову и посмотрела вверх и вниз по течению реки. На воде еще не было ни одного гребца. Придерживаясь одной рукой за край пирса, женщина осторожно села в лодку, грациозным движением оттолкнулась от пристани, поправила весла и сильными, целенаправленными гребками начала плыть в сторону ближайшего моста. Казалось, что эта женщина жила в каком-то своем, отдельном от нашего, мире. Казалось, что она была так далеко от давки и толпы, в которой стояла я, далеко от запахов и звуков, окружавших меня. Я следила за ней взглядом до тех пор, пока она, словно превратившись в одно единое целое со своей байдаркой, олицетворением спокойствия и уверенности не исчезла из вида.

В одном из зданий на шумной и оживленной улице, на которой я стояла, была зеленая дверь, которую я уже неоднократно видела. Рядом с дверью на стене висела небольшая табличка со словами: «Гребной клуб Флоренции».

Сейчас эта дверь частично была закрыта от моего взгляда тележкой уличного торговца, на которой, словно лианы, висели ремни для штанов. Справа от двери начинался просторный двор перед входом в галерею Уффици, зеленая дверь входа в клуб расположена чуть левее.

«Сегодня все будет по-другому», – подумала я, сделала резкий вдох и начала пробираться сквозь толпу тел на другую сторону улицы. Я не успела дойти до двери, как она открылась, выпуская наружу поток прохладного воздуха, и на улице появилась группа подростков со словами: «разрешите, простите, позвольте». За подростками я увидела высокого мужчину с темными, зачесанными назад волосами.

– Осторожнее, ребята, – крикнул он на итальянском вслед удаляющимся с громкими возгласами подросткам.

– Простите, – обратился мужчина ко мне, придерживая рукой дверь. Я заметила, как вокруг его глаз появились морщины и щеки поднялись вверх, чтобы освободить место широкой улыбке. Его улыбка ласкала меня.

– Вы куда? – спросил меня мужчина.

Я покраснела после долгой прогулки, вспотела и чувствовала, как платье прилипло к телу. Я попыталась всмотреться в темноту за его спиной.

– Скажите мне, – произнес мужчина. Ну что я ему могла сказать?

– Это гребной клуб Флоренции? – спросила я. Мои слова прозвучали так приглушенно, словно мне трудно было говорить.

– Да, да. А что вы хотели? – Мужчина показал мне жестом на дверь, приглашая войти.

– Я бы хотела... – Я выставила вперед руки. Это оказалось неправильным ходом, потому что я тут же почувствовала запах своего собственного пота. Это был кислый и едкий запах, словно я больна. Так пах мой пот последние несколько месяцев. Не знаю, что во мне изменилось за это время – то ли усилилось обоняние, то ли мой пот действительно стал такой ужасный.

– ...вступить в члены, – наконец объяснила я ему по-английски и прижала руки к телу. Мой итальянский весьма ограниченный.

– Хорошо, – ответил мужчина на итальянском, усмехнулся и толкнул дверь, чтобы шире ее открыть. – Тогда вам надо поговорить со Стефано.

– Спасибо, – промямлила я и быстро прошла в темную прихожую.

– Конечно. До свидания, синьора.

Я услышала его смех. Потом раздался звук закрывающейся двери, вместе с которым стало темнее и не так жарко. Звук мужского смеха тоже исчез.

Я спустилась на несколько ступенек вниз, и мои глаза постепенно привыкли к темноте. Я оказалась в офисе, тут я увидела еще одну дверь и открыла ее. В следующей комнате никого не было. Мне здесь нечего делать, и надо было идти обратно. Но тут я услышала издали звуки, которые вполне можно было назвать человеческими. Ага, Стефано. Я держалась за это имя, как за ниточку, и продолжила идти вперед, сквозь дверь и вниз по лестнице. Я шла по узкому коридору, пока не дошла до низкой двери в каменной стене, для прохода через которую пришлось наклониться. Я вошла в комнату, и в нос тут же ударил запах кофе и пота. Я заметила небольшой бар, столики, а еще дальше дневной свет. Пожилой мужчина, одетый в трико для гребли, поднял от газеты на меня глаза и сощурился, как рассерженный гном. На мгновение мне показалось, что, как водится среди гномов в сказках, он должен загадать мне загадку, но мужчина только громко встряхнул газетой и снова опустил в нее глаза.

За стойкой бара стоял мужчина с седыми усами и наливал в бокал ярко-розовый сок. Он внимательно за мной наблюдал.

– День добрый, – произнес он. – Американка?

Бармен положил ложку в бокал и показал на себя пальцем.

– Мануэле.

– Ханна, – сказала я и расслабилась. Вроде все чисто, без подвоха. – А Стефано здесь? – спросила я на итальянском.

– Анна, – повторил бармен, теряя в моем имени букву «х», – Анна из... – и вопросительно поднял брови.

– Бостон.

– Анна из Бостона, это Нико. – Бармен кивнул в сторону старика в синтетическом трико для гребли за столиком, который встал и, шаркая ногами, подошел к барной стойке.

– Вечером, – произнес он и сделал глоток сока.

Мануэле подмигнул мне и потом крикнул:

– Стефано!

Из стеклянной двери, ведущей на улицу, вышел третий мужчина. Он оказался высокий, загорелый, и у него были тонкие губы, отчего рот был похож на линию. Мануэле что-то быстро сказал мужчине. Я не в состоянии была разобрать их слова до тех пор, пока не услышала «Анна di Бостон».

– Ханна, – поправила его я. – Я хотела бы стать членом клуба. Мужчина наверху сказал мне...

– Да, конечно. – Он улыбнулся натянутой улыбкой и наморщил лоб. – Вы занимаетесь греблей? – спросил Стефано.

– Нет.

– Никогда?

Я на мгновение задумываюсь о том, как, наверное, глупо выгляжу в его глазах. Все ответы он мог прочитать по моему лицу и телу, в которых так много пустоты. Но раз уж я зашла так далеко, то у меня уже не осталось никакого пути назад, поэтому я продолжила:

– Но я хотела бы научиться.

Стефано помолчал, а потом произнес: «Хорошо. Вы научитесь. Пойдемте», – после чего жестом руки дал мне понять, чтобы я вышла за ним наружу из помещения. Прямо над нами висел мост Понте-Веккьо, чудовище с тремя животами, между опорами вода двигалась как тень, и пространство между арками было освещено бликами солнца от воды. Там, где я совсем недавно стояла, теперь толклись и заглядывали вниз туристы, но их мир казался мне сейчас таким далеким, словно они были на Марсе. У меня возникло ощущение того, что весь город передо мной открылся, несмотря на то что я смотрела на него словно изнутри.

– Ого, – вырвалось у меня.

– Красиво, правда? – спросил Стефано.

Я осмотрела поверхность реки, но женщины, которую я видела раньше, нигде не было видно. Нет ни ее, нет никого на траве на берегу и на длинном металлическом понтоне пристани на реке Арно.

– Сегодня тихо, – произнес Стефано, – потому, что Феррагосто[4 - Праздник, который отмечают итальянцы 15 августа – Успение Богородицы или Вознесение. Он завершает сезон больших летних работ. В обрядах этого дня слились элементы христианства и язычества (прим. ред.).]. Но завтра люди вернутся.

Потом на смеси итальянского и английского он объяснил мне, что раньше это были конюшни Медичи. Он рассказывал, и его улыбка становилась все более естественной. Стефано – менеджер клуба. До этого менеджером клуба был его отец.

– Привет, Стефано, – услышала я приветливый голос молодого человека, который прошел мимо нас к понтону.

– Он тоже американец, – объяснил мне Стефано. – Студент.

Потом он снова увел меня внутрь, показал раздевалку, комнаты с оборудованием для подъема тяжестей и потом повел меня по темному коридору, вдоль стен которого стояли байдарки. Мы дошли до конца коридора и увидели старика, который полировал деревянный борт лежащей перед ним байдарки.

– Привет, Корреджио, – произнес Стефано, после чего завел меня в комнату, где располагались тренажеры для гребли. Вдоль стены на возвышении стоял большой бак с водой, в котором были установлены четыре двигающихся по рейкам сиденья.

– Это для тренировки в плохую погоду, – объяснил Стефано. – И это особенная комната. Знаете почему?

Я обвела взглядом эргометры, воду в баке и наши отражения в зеркале, установленном в стене. Потом Стефано показал пальцем на потолок и улыбнулся.

– Уффици, – объяснил он. – Были там?

– Да, конечно, – ответила я и улыбнулась впервые за последние несколько дней, а может быть, даже и недель. Мы находились непосредственно под зданием музея. Я представила себе, как над нами ходят толпы туристов. Я и сама могла там быть, но вот попала сюда, а здесь все совсем по-другому.

Потом Стефано сообщил мне стоимость членства в клубе и уточнил: «Все в порядке, цена не пугает?» Я кивнула, хотя денег у меня едва хватало, чтобы дожить до конца месяца.

– Все замечательно, – ответила ему я.

– Ок. Завтра вернется моя помощница, и вы у нее зарегистрируетесь. А потом начнете тренироваться в этой комнате, чтобы научиться, хорошо? Две-три недели. А потом – на воду!

– Так быстро? – удивилась я.

– Да, конечно. А почему бы и нет?

– Действительно, почему бы и нет? – как эхо, ответила ему я и пожала протянутую им теплую ладонь.

Перед тем как уйти из помещения клуба, я прошла по коридору и осмотрела деревянные байдарки. Они лежали на поставленных вдоль стен полках от самого пола до потолка. Байдарки были перевернуты днищем вверх. Здесь стояли байдарки самого разного размера. В дальнем углу хранились одноместные байдарки. Далее большие байдарки на восемь гребцов. У меня возникло ощущение, которое, кстати, у меня здесь часто возникало, что мое прошлое где-то совсем рядом, что оно вот-вот выскочит, быстрое и яростное, и тут я неожиданно вспомнила: я медленно иду вдоль ряда лодок и читаю их названия, написанные от руки на борту белой краской печатными буквами: Fortunato, Borea, Persefone. Я глазами ищу ошибки и недочеты в повторяющемся символе красно-белого флага гребцов на бортах лодок. Я ищу те места, где рука человека, рисовавшего флаг, дрогнула.

Бостон. Один из июльских понедельников. Музей был закрыт уже, и свет выключен. Я распланировала все так, чтобы я могла прийти и уйти незамеченной, и тогда я уже уходила. Я зашла в туалет, посмотрела на свое почти эфемерное отражение в зеркале и направилась в кабинку. Засунула два пальца в рот, и меня вырвало.

Потом я шла по пустым залам музея, сжимая в руке конверт, в котором лежали деньги, выплаченные мне после увольнения. Увольнительные мне вручили, потупив глаза, потому что я так низко пала. Помню, что тогда я дошла до одной картины, на которой было изображено море. Это была картина в сине-серебряных тонах, хотя если подойти поближе, то виден главным образом серый цвет, туман с тенями. Единственным ярким пятном на картине были несколько мазков оранжевой краской приблизительно в центре полотна. Что это такое? Огни маяка на далеком берегу? Даже если и огни, то они слишком далеко, чтобы до них доплыть. Собственно говоря, именно так я себя и чувствовала. Возможно, чувствовала себя так уже несколько лет. У меня было ощущение того, что все окружающие меня поняли то, чего я никак не могла понять. И следовательно, оставалась в полном тумане.

У меня уже не было сил, и я едва держалась на ногах, но тем не менее остановилась перед картиной, чтобы посмотреть на мазки оранжевой краски в центре картины, чтобы запомнить то место, куда я необъяснимым образом стремилась. Я протянула руку и потрогала краски на холсте. А почему бы и нет? Что мне сейчас за это сделают? Я слегка прикоснулась к тому месту, где все исчезало и одновременно появлялось. В этом месте на холсте была небольшая впадина, и краска на ощупь казалась шершавой. Я почувствовала, как события последних месяцев словно стираются из моей памяти. Я ощутила, словно эта мизерная впадина на холсте расширяется и я в ней исчезаю.

– Ханна? – раздался в конце коридора голос, и я, не оборачиваясь, поспешила выйти на улицу в серый вечер.

Во Флоренции я очень тщательно выбирала ресторан для ужина. Сперва я ходила в рестораны, на столиках которых романтически горели свечи, и сидевшие за столами парочки с подозрением на меня косились. Я не ожидала, что люди будут на меня пялиться. Но посетители ресторана смотрели на меня с чувством глубокого подозрения, словно говоря: «Это наше место». Я долго читала меню и потом, избегая взгляда официанта, словно задававшего мне

вопрос «Это все?», быстро заказывала contorni, то есть гарнир. «Да, это все». Мне приносили тарелочки с гарниром, и сидевшие вокруг парочки, перед которыми стояли огромные тарелки с пастой и мясом, снова начинали поглядывать на меня с недоумением. Мне казалось, что само содержимое их тарелок тоже с укоризной на меня смотрело. Я ела быстро и так же быстро уходила.

Поэтому через некоторое время я начала тщательно выбирать место для ужина. Я нашла бар под названием Fuori Porta, что означало «За воротами», расположенный непосредственно за одними из самых больших городских ворот. Этот бар находился в самом конце модного мажорного района, перед тем как дорога, извиваясь, начинала подниматься вверх по темному склону в жилые кварталы. Каждый день между шестью и девятью часами на барной стойке выставляли закуски. Я ела морковь и солености. Я слушала оживленные голоса гостей и выпивала три бокала вина. Когда молодой бармен спрашивал меня, хочу ли я четвертый бокал, я улыбалась и отказывалась. «Пусть думает, что я потом буду ужинать с друзьями, – размышляла я. – Не его собачье дело думать о моей жизни». Потом с чувством тяжести в животе я выходила из бара и шла домой по безлюдным улицам, вдоль пыльных фасадов домов и через мост Ponte alle Grazie, название которого переводится как «Мост благодарения», и чувствовала себя спокойно и легко.

Иногда, когда я чувствовала в себе достаточно сил для того, чтобы поддерживать разговор с владельцем заведения Дарио, то ходила в суши-бар под названием Shiso. Сегодня я пришла именно сюда. Повернув за угол, я увидела, что Дарио стоит на улице и болтает с одним из алкоголиков, которых так много на площади напротив суши-бара. У местных пьянчуг волосы слиплись от жира и грязи, а глаза выцвели. Иногда, проходя рядом с ними, я чувствую их горячее дыхание и слышу, как они мне что-нибудь говорят. Но я никогда не вступаю с ними в разговоры, я не представляю для них никакой опасности. Я чувствую, что во мне есть что-то, что есть и в них.

– Давай, давай! – крикнул Дарио одному из этих пьянчуг. Изо рта Дарио свисала сигарета. Он заметил меня, что-то тихо произнес одному из пьянчуг и что-то незаметно передал ему из ладони в ладонь. Потом Дарио распрямил плечи, сделал глубокий вдох и посмотрел в сторону. Человек, которому он только что что-то передал, исчез в темном проулке, делая вид, что меня не заметил.

– Ciao, – поприветствовал меня Дарио. – Как дела?

– Хорошо, – ответила я. – У тебя как?

– В трудах и заботах, – вздохнул Дарио. Он всегда отвечал именно так, хотя в его баре никогда не бывало много людей. Мне казалось, что среди всех посетителей только я являлась его постоянным клиентом.

Он потушил сигарету, открыл мне дверь и, взяв меня за локоть, слегка подтолкнул внутрь помещения. Интерьер его суши-бара оформлен с использованием стали и красного цвета, и я бы сказала, что лет на десять опоздал с претензией на то, чтобы считаться модным. Дарио рассказывал, что влюбился в Японию после того, как побывал в этой стране. «Очень вкусно», – соврала я ему тогда, медленно пережевывая кусочек рыбы, которая, честное слово, не должна стоить так дорого, как он за нее берет. Иногда мне приятно находиться в компании тех, кого я хотя бы шапочно знаю. Иногда я позволяю ему довести меня до дома и даже поцеловать около подъезда. Но сегодня этого не произойдет. Сегодня все будет по-другому.

В баре, кроме молодой американской пары, гостей не было. Официантка с серьезным выражением лица стояла около двери на кухню, но не подходила ко мне. Дарио вытер стойку бара и щедро налил вина мне в бокал.

– День нормально прошел? – спросил он меня.

– Очень хорошо, – впервые совершенно искренне ответила ему я.

– Какая же ты счастливая, что у тебя отпуск. А вот я всегда на работе, всегда в делах. А чем ты занимаешься в Бостоне? Ты ведь из Бостона, верно?

Я совершенно не ожидала этого вопроса.

– Фандрэйзингом занимаюсь, – ответила ему я, словно не потеряла этой работы. – Для нужд музея.

– Что?

– С искусством работаю.

– А-а, ты художница.

Я его не стала поправлять. Какой смысл объяснять, что моя прошлая работа имела прямое отношение к деньгам и не имела никакого отношения к искусству (хотя выбрала я ту работу во многом из-за того, что все-таки какое-то отношение к искусству у нее было). Вначале я даже делала большие успехи на той работе. Я делала вид, что все то, чем я занималась, имело какое-то значение.

– Ну, тогда ты понимаешь, что такое весь день трудиться как пчелка, – продолжил Дарио.

Я утвердительно кивнула. В уверенности Дарио было что-то агрессивное и заразительное, и я сама начала вести себя так. На лбу и лысеющей голове Дарио выступили крупные капли пота. Он налил мне второй бокал вина, и после того как принесли мой заказ, я начала медленно есть. Дарио скрестил руки на груди и начал свой монолог.

– Я три года назад купил этот бар. Tre anni, скоро уже будет три.

Он говорил, а я начала свой ритуал – составляла в уме список.

– Иногда мне кажется...

Значит, утром я пила кофе. Без сахара и молока.

– ...это некрасиво, Ханна. Правда.

Потом я вспоминаю о том, что съела два кусочка тоста.

– Сицилия... я думаю.

Салат после прогулки. Это уже серьезная еда.

– Всегда одно и то же.

Дарио замолкает и подливает мне в бокал вина.

– Тогда я пойду в отпуск...

Я снова мысленно возвращаюсь к своему списку и разбиваю его на отдельные составляющие или колонки. Тосты в одну колонку, потом алкоголь в другую, большую и вместительную колонку. Алкоголь – это штука важная, это почти как воздух. Алкоголь помогает, и его тоже надо считать. На алкоголь в животе тоже нужно место.

– ...отличается...

Я мысленно возвращаюсь к салату, разбираю его на ингредиенты.

– ...что блин...

Немного листового салата. Кусочки помидора. Тоненький, почти прозрачный кусочек сыра.

– ...я не хочу, но...

Я вспоминаю, что перед выходом из дома съела горстку миндаля.

– ...это как казино.

Ну и наконец, лосось. Пять липких, маслянистых кусочков. Я уже чувствую тяжесть этих кусочков в своем животе.

– И потом она говорит мне: «Дарио...»

Затем я в уме строю башенку из всех продуктов, которые съела за день. Я складываю их один на другой, и получается узкая, но высокая башня.

– Что я могу сделать?

Несмотря на то что башня узкая, ее вес достаточно внушительный. Этот вес ощущаю в своем животе.

– Так это жизнь...

Я мысленно отложила горстку миндаля в сторону. Я не в состоянии положить миндаль сверху на башенку, и это меня очень волнует.

– ...однако в будущем...

У меня не хватает смелости водрузить миндаль на самый верх моей воображаемой башенки.

– ...верить. – Тут зазвонил его телефон.

– Да, – громко произнес Дарио в трубку и быстрым шагом направился в дальний угол бара.

Я мысленно осмотрела получившуюся пирамиду. Закрыла глаза. Попыталась понять, что делать с миндалем. Я начала складывать башню по новой.

Тут я услышала за своей спиной смех. Я открыла глаза и посмотрела в зеркало на отражение молодой американской пары. Они смотрели в мою сторону, и женщина приложила ладонь ко рту, чтобы скрыть улыбку. Над чем она смеялась? Я посмотрела на свое собственное отражение. Что эта американка в нем увидела? Я видела лишь женщину, которой уже почти тридцать, а на лице серьезное выражение. Мои волосы не в лучшем состоянии, они выглядят какими-то неживыми. Перед выходом из дома я, несмотря на жару, высушила их феном и уложила так, чтобы они как бы обрамляли мое лицо. Но видимо, все мои усилия были напрасными, потому что сейчас волосы висели, как макароны с вилки. Как у бездомных, которые толкуются у входа в этот суши-бар.

Я что-то забыла сделать. Днем или ближе к вечеру. Я напрягла память, сконцентрировавшись, но ничего не смогла вспомнить. Почему я не в состоянии ни за что зацепиться, не в состоянии удержать в памяти что-то важное? Постоянно что-то ускользает, словно бесследно проваливается.

Я услышала чей-то крик. Мой собственный? Нет, этот крик раздался снаружи. Кто-то на улице на кого-то кричал.

– Может быть, – громко вздохнул Дарио. – Ты видел? Постоянно надо что-то делать. Труды и заботы.

Он вышел на улицу, а я достала из сумочки деньги и положила их на стойку бара. Наверняка я оставила слишком много, но да бог с ним. Пора уходить до того, как Дарио вернется и будет напрашиваться провожать меня до дома. Не хотела слышать его болтовню, она меня раздражала. Я поискала глазами официантку, но она куда-то исчезла. В зале была только ухмыляющаяся пара американцев.

Несмотря на то что уже стемнело, на улице все еще жарко. За спиной я слышала голоса на повышенных тонах, которые словно подталкивали меня, заставляя ускорить шаг. Каблуки громко стучали по неровностям брусчатки. Я что-то забыла сделать. Улица, на которой я живу, пустовала, а из бара поблизости раздавалась громкая музыка. Дверь подъезда казалась очень тяжелой, а воздух на лестничной клетке спертый. Я нажала на кнопку выключателя света, который загорается на время, за которое, по идее, можно было успеть подняться до двери квартиры. Но свет выключился, когда я дошла до третьего этажа. Я оперлась ладонью о стену и медленно продолжила подниматься вверх, громко стуча каблуками по ступеням. Где-то внизу открылась дверь.

– Signorina? – услышала я голос хозяйки. Боже, ну что ей сейчас от меня надо?! Я ускорила шаг и на повороте в пролете ударилась бедром о лестницу. Резкая боль. Я поняла, что синяк неизбежен. Поднялась на свой этаж и услышала, как начал звонить телефон.

Вот теперь-то я вспомнила, что позабыла. Четыре, пять, шесть звонков. Я нашла в сумочке ключ и вставила его в замочную скважину. Повернула один, два, три раза. Седьмой, восьмой, девятый звонок. Я открыла дверь квартиры, и звонки телефона стали невообразимо громкими и резкими. Десять, одиннадцать, двенадцать.

– Ханна? – услышала я голос своей сестры, как только сняла трубку. Ее голос – как ушат вылитой на меня холодной воды. Несмотря на то что сестра находилась от меня на расстоянии нескольких тысяч километров, ее голос затягивал меня, как омут. Я начала ощущать тяжесть во всем теле. Я сделала глубокий вздох и медленно выдохнула.

– Дорогая, у тебя все в порядке? – спросила сестра.

Я кивнула. Нет, я не буду плакать.

– Ханна? – позвала сестра.

– Да, все в порядке. Просто ногой ударилась.

– Да? Что-нибудь серьезное? – В голосе Кейт появились нотки подозрения. Моя сестра вообще всегда очень склонна подозревать только самое худшее.

– Нет, ничего особенного. Только что в квартиру вошла.

– Список, Ханна. Прошло уже пять дней. Ты не...

Ну конечно, список. Перед моими глазами в темноте появилась башня. Снизу на лестничной клетке раздался смех.

– Bastardo! – услышала я громкий мужской голос. Потом снова смех.

– Это просто невыносимо, Ханна. – Я мысленно видела, как сестра сидит на стуле перед письменным столом у себя в квартире. Она, наверное, дозвонилась мне не с первого раза и терпеливо несколько раз набирала мой номер, твердо решив исправить ситуацию, в которой я оказалась. Моя сестра – человек, который постоянно затыкает дыры. Такой уж у нее характер.

– У меня все в порядке. – Я сначала увидела в уме эти слова и только потом произнесла их. – Просто была немного занята.

– Занята чем? Чем ты вообще там целыми днями занимаешься? – Она замолчала и через несколько мгновений продолжила: – Прости. Как у тебя дела?

– Ходила ужинать, – ответила я. – Я собиралась тебе написать, но забыла.

– Ханна, ты не должна забывать. Мы же с тобой договорились.

У нас с Кейт есть договор, по которому я каждые три дня должна отправлять ей список. Также у нас был договор о том, что я не буду взвешиваться, хотя я в первый же день после приезда купила оранжевые напольные весы. Но Кейт о весах ничего не знает. До этого я регулярно отправляла ей список, но сегодня как-то не сложилось. Я начала ей все сбивчиво объяснять: ужин, вино, мужчины на улице, крики, куча денег, которые я оставила на стойке бара.

– Я понимаю, что переплатила, но мне надо было уйти до возвращения Дарио. И потом я забыла тебе написать из-за всего того, что произошло.

Я накосячила, я облажалась. Я поняла все это еще до того, как она успела мне ответить.

– Ты вообще о чем? Какой еще Дарио?

Я вспомнила: зеркало, миндаль, крики, но ответа не было. Я решила не развивать эту тему, потому что все, что говорила сестре, являлось для нее полной бессмыслицей. Кейт громко дышала в трубку, и мне казалось, что она смотрит в окно и видит меня, несмотря на тысячи разделяющих нас километров.

– Хорошо. Поговорим об этом на следующей неделе, когда ты вернешься, – произнесла она.

Но тут я должна была сообщить ей важную новость.

– Я не уезжаю.

– Что?! Ты же...

– Я остаюсь еще ненадолго. Я уже поменяла дату вылета.

– Ты в этом уверена? Ты не считаешь, что уже пора возвращаться домой? Пора начинать искать работу? Ты, кстати, начала уже ее искать? Ну ладно, пока об этом не думай. Ты можешь у нас пожить.

– Нет, – тихо ответила я.

– Ханна, – ее голос дрогнул, – ты же не можешь просто так взять и исчезнуть.

Ах, вот чего она боится! Того, что я полностью исчезну. Я уже исчезаю. Впрочем, уже нет. Не исчезаю.

– Послушай, ты же просто хотела взять паузу, отдохнуть. – Мне начало казаться, что она меня умоляет. – Прошел уже месяц. Ты думала о том, на что собираешься жить? Как и чем планируешь зарабатывать?

– У меня все в порядке, – сказала я, полностью концентрируясь на словах, которые произнесла.

– Нет, я этого не понимаю. Я уже не знаю, что мне делать.

Таким же голосом и таким тоном она говорила со мной несколько месяцев назад, когда я ушла настолько глубоко, насколько еще никогда не уходила. В ее тоне я узнала и вспомнила те дни, когда я была в самом низу.

– Возвращайся назад, а?

Я ужасно удивилась тому, как внутри меня сквозь туман поднялась волна злости, и напористо, с твердостью в голосе я ответила ей: «Нет». Я сказала голосом, который совершенно не был похож на мой собственный. «Это мое!» – хотела сказать ей я. Я даже не знаю, что это, но точно знаю, что это – мое.

Кейт начала плакать. Мне необходимо было найти какой-либо аргумент, чтобы убедить ее в том, что у меня все нормально. И вот наконец из тумана всего этого дня в моей памяти появилась картинка. Это женщина на воде, спокойная и уверенная в себе.

– Я сегодня занималась греблей, – сказала я. – Я стала членом гребного клуба. Это мне очень помогает. И на реке очень красиво. Тихо и спокойно.

Не то чтобы я ей соврала. Я сделала все это для самой себя правдой, поэтому мне все это правдой и казалось. Мне бы только дотянуть до конца этого разговора, лечь спать, проснуться на следующее утро и начать все с нового листа.

– Это мило, – сказала Кейт мягким тоном и добавила: – Тогда набери меня завтра, когда будешь лучше себя чувствовать.

Я повесила трубку и сняла юбку. Дрожь по всему телу. Я легла на кровать. Ужин казался где-то совсем далеко, словно в другой галактике. Клуб гребли тоже где-то очень далеко. Мой дом еще дальше. Я вытянулась и лежала прямая, как бревно. Я не такая мягкая, как моя сестра. Моя сестра – вопросительный знак, думала я, засыпая. Кейт далеко-далеко от меня, и в кровати она согнулась, как вопросительный знак, а вот я прямая, как знак восклицательный. Я подумала о том, что, чтобы все стало снова понятно, я должна стать вопросительным знаком.

Вот завтра я начну гнуться. Все начнется завтра.

Глава 2

Спортивный зал. Три девушки стоят в ряд по стойке «смирно». Зачем мы это делаем – не совсем понятно. Мальчик ухмыляется. Я всей душой ненавидела того парня, который, проходя мимо нас, показывал пальцем каждой из нас на грудь, оценивая. Плоская, как доска. Эта комарами покусанная. А это – дойная корова. Этот парень не был ни выше нас, ни сильнее, и, несмотря на то что нам была неприятна его ухмылка, мы делали непроницаемое лицо и никак не реагировали. Неприятная улыбка парня делалась все шире и становилась такой, от которой уже было некуда деться. Внутренне удовлетворенный, он отошел от нас. Потом мы некоторое время не смотрели друг на друга и никак не обсуждали этот инцидент.

Но это неправильно. На самом деле это история, которую мне однажды рассказали. На самом-то деле начинается все вот здесь, – говорили они и показывали пальцем на экраны и огромные рекламные щиты, а также и на ухмыляющихся парней с острыми пальцами, которые потом вырастают в мужчин, которые, конечно, теряют свою ухмылку и уже пальцами не тычут, но ты все равно чувствуешь, что они думают. Но это совсем не то, с чего все начиналось. Не для меня по крайней мере. Даже через несколько лет после этого, уже гораздо позднее, когда я смотрела в музее на группы школьников, мне постоянно казалось, что среди них окажется тот самый, с презрительной

ухмылкой. Я смотрела, как этот мальчик нарезал круги вокруг таких девочек, которой я была раньше, и хотела его заткнуть еще до того, как он начнет говорить, и разогнать от него этих девушек, как стаю птиц с тротуара. Но помогло бы им все это? Дети, в конце концов, этим занимаются всегда, но у них не появляется таких проблем, которые появились у меня.

На следующее утро город выглядел уже совершенно по-другому. Итальянцы вернулись из отпуска, забрали себе свой город и уже в ранний час заполнили его улицы, и Флоренция начала двигаться быстро, потому что еще не появились медленно бредущие туристы, которые тормозили движение и движение групп которых было таким же непредсказуемым, как у амебы. Старинная брусчатка загудела не только от шин автомобилей и велосипедов. Появились автобусы, стремительно подлетающие и потом так же стремительно отчаливающие от остановки после того, как вошли и вышли мужчины и женщины в бизнес-луке. Мопеды, которые стояли на тротуаре в два ряда, постоянно уезжали и приезжали, жужжали на мостах. Многие улицы перекрыли грузовики с продуктами для магазинов на разгрузке, и все стоящие за ним машины, не переставая, сигналили. Я шла по центру и с появлением местных жителей ощущала новый подъем энергии. Вот такая, значит, деловая Флоренция.

В кабинке фотосамообслуживания около вокзала я сделала четыре фотографии. Я моргала при каждом разряде вспышки. Фотографии получились совершенно одинаковые. Вы на нее только посмотрите! Это действительно я?

Я спокойно и без происшествий дошла до клуба гребли. Кажется, что меня по пути никто вообще не заметил. Мужчины в глаженных рубашках и модных мокасынах на ногах меня точно не увидели. Женщины в узких юбках и на высоких каблуках, которые легко спрыгивают со своих скутеров, тоже не обратили на меня внимания. Все они заходили в кофе-бары, в которых битком народу, после чего исчезали в дверях, которые, видимо, вели в офисы и школы. После этого прибыла новая волна флорентийцев, и я была рада тому, что могла по-своему присоединиться к этой деловой толпе, и зашла в дверь клуба. Я была полна решимости сдержать данное Кейт обещание.

– За членской картой, – сказала я на итальянском женщине в офисе, передавая свои фотографии, после того как оплатила членство в клубе по кредитной карте.

Женщина взяла мою фотографию, не произнесла фразы: «Вы на нее только посмотрите!», а просто с улыбкой сказала мне S?. После этого она вставила фотографию в мою карту члена клуба и передала мне. Все формальности были закончены.

Я пошла по коридору тем же путем, что и вчера, и дошла до раздевалок. Из мужской раздевалки были слышны голоса, а в женской – пусто, беззвучно, словно выложено белой плиткой тишины. Я быстро переоделась.

– Ciao, Анна из Бостона! – поприветствовал меня Мануэле после того, как я вошла в кофе-бар, в котором сегодня яблоку негде было упасть. Местные жители вернулись, только вот здесь собрались одни мужчины, я перестала быть невидимой, потому что все глаза поднялись на меня. Я быстро вышла к реке, где все освещало солнце. Здесь было еще больше мужчин и еще больше глаз. На траве стояли стулья, на них расселись старики, среди которых я увидела Нико в его трико для спортивной гребли. Все они держали в руках газеты и после моего появления начали между собой вполголоса о чем-то говорить. Меня бесило то, что они шушукаются. От этого я еще больше хотела спрятаться от их глаз.

– Осторожно, Ханна!

Я обернулась и чуть не столкнулась со Стефано и еще двумя мужчинами, которые на плечах несли большую байдарку.

– Добрый день, – произнес один из мужчин, проходя мимо меня. Они шагали вразнобой по металлической поверхности настила-пристани. У края они аккуратно сняли лодку с плеч, взяли ее за борт ладонями и спустили на воду, переворачивая над водой днищем вниз. Их движения были доведены до автоматизма. Стефано распрямился и вытер ладони о штаны.

– Подождите, – сказал он двум другим мужчинам, потом жестом попросил меня подойти ближе, взял меня за руки, поцеловал в обе щеки, после чего ворчание стариков на стульях затихло.

– Познакомься, это Серджио, – произнес Стефано и взял за предплечье одного из них – невысокого мужчину с редкими в этих краях рыжими волосами, который оголил в дружелюбной улыбке широкие зубы.

– Это Джиованни, – продолжил Стефано.

Третий мужчина с небольшой бородой и блестящими глазами взял меня за руки.

– Для друзей я просто Джианни, – произнес он.

За одну минуту у меня произошло больше физического контакта, чем за последние несколько недель, с тех пор, когда при прощании в аэропорту меня крепко обняла Кейт и я застыла в ее объятиях. «Береги себя, – повторяла сестра. – Я тебя люблю». Тогда я чувствовала себя, словно она меня душит.

Я чувствовала, что руки мужчин не стремились изучить мое тело или меня контролировать. Их ладони были теплые, и мое настроение мгновенно улучшилось. Джианни словно прочитал мои мысли, он отпустил меня, развел руки в стороны и посмотрел на небо.

– Какой сегодня чудесный день? Солнце! – громко произнес он. Со стороны он был похож на приветствующую новый день птицу, одетую в синтетическое трико для гребли.

– Это наш первый день тренировок после каникул, – объяснил мне Стефано.

– Ребята, что за день! – услышала я голос четвертого мужчины, выходящего из тени с четырьмя веслами на плечах.

– Это Лука, – сказал Стефано.

Лука удивленно улыбнулся. Я узнала его – это он впустил меня вчера в помещение клуба.

– Ханна, – сказала я и покраснела.

– Доброе утро, Ханна. Рад, что ты вернулась, – сказал он со смехом, но не объяснил всем, что мы уже виделись. Лука передал весла Джианни и Серджио, после чего шутливо ударил по плечу Стефано. Джианни и Серджио вставили весла в уключины. Потом Лука спустился в лодку и осторожно сел на второе сиденье.

– Мы уже много лет вместе тренируемся, – объяснил Стефано, держа ладонь на уровне бедра, демонстрируя то, что тренируются они с детского возраста. – Это мои, как сказать... старые друзья.

– Лучшие друзья, – поправил его Джианни, садясь в байдарку. Потом в лодку сел и Серджио.

– Да, мои близкие друзья, – заявил Стефано.

Все, кроме Луки, кивнули. Без улыбки Лука посмотрел на меня и сказал:

– Мы – близкие друзья? О нет. Я вообще этих ребят не знаю.

Трое его приятелей хором издали стон.

– Ханна, ты сегодня тренируешься? – спросил меня Стефано.

– Да, в помещении на тренажерах.

– Скоро увидимся, хорошо? – произнес Стефано, пожал мою руку и сел в байдарку на первое сиденье.

– Алессандро, иди сюда! – крикнул Джианни. Мимо меня пробежал подросток, сел на нос лодки лицом к Стефано и взял в руки веревку, присоединенную к рулю. Этот парень рулевой. Мужчины оттолкнулись от пирса и замерли в ожидании.

– Готовься! – громко крикнул Стефано, подросток удобнее схватился за веревку, а мужчины подняли весла над поверхностью воды.

– Начали! – выкрикнул Стефано, и все гребцы опустили в воду весла и начали грести одними руками, без помощи ног. Байдарка медленно выплыла на середину реки и стала двигаться в сторону моста Понте-алле-Грацие, рядом с которым развернулась так, что спины гребцов стали обращены в сторону клуба. Лодка остановилась, и гребцы замерли. Потом я услышала голос Стефано: «Готовься... начали!» – и лодка стремительно понеслась по глади воды. На этот

раз мужчины гребли в полную силу, используя ноги. «Все вместе! Раз! Два!» – слышался голос Стефано. Когда они проплывали мимо клуба, я видела, что все четверо двигаются, как один, сгибаются и разгибаются, сгибаются и разгибаются, их мускулы работают как единое целое.

– Uno! Due! Uno! Due! – разносился над водой голос Стефано. Байдарка приблизилась к мосту Понте-Веккьо. Через несколько секунд она была в тени моста, а потом выплыла с другой стороны моста и потерялась в солнечных бликах.

Четыре месяца назад я стояла около картины с изображением сцены Благовещения в окружении людей, каждый из которых мог потенциально пожертвовать средства для музея. Мне поручили вести этот специальный тур потому, что я изучала искусство и итальянский язык. Один из ВИПов в группе оказался итальянцем, но как только он быстро заговорил со мной на этом языке, то по моему отсутствующему взгляду сразу сделал вывод о том, что я его не понимаю, и снова перешел на английский.

В зале было солнечно, и из-за яркого света мне было сложно рассмотреть лица стоящих вокруг меня людей. Я хорошо видела только одну хорошо одетую женщину в центре группы, которая в начале нашего тура спросила меня: «Вам холодно, дорогая?» – и кивком головы показала на мой кардиган. На улице был май, но мне тогда постоянно казалось, что мне холодно.

Я рассказывала об изображенной на картине перспективе, как вдруг пол ушел из-под ног, лица стоящих вокруг меня людей помутнели, словно их одно за другим стерли ластиком. Потом я упала, сильно ударившись о пол. В глазах потемнело. Затем я услышала голоса и снова увидела свет. Один из охранников помог мне подняться на ноги. Он относился ко мне с симпатией и вряд ли стал бы рассказывать о том, что я упала во время тура группы ВИПов. Но кто-то все же донес о том, что я потеряла сознание.

Потому что на следующий день Клавдия пригласила меня на ланч. Мы с ней были очень не похожи друг на друга, но нас объединяло то, что мы были уже давно знакомы. Именно Клавдия пять лет назад настояла на том, чтобы музей меня нанял, после чего сама стала моим учителем и моим другом. Я ей доверяла.

Мы пошли в кафе около музея. На улице нещадно палило солнце, и по мостовой проносились автомобили, но Клавдия была, как всегда, сдержанной и деловой. Выпрямив спину, она сидела в кафе и, решительно сжав губы, быстро просмотрела меню. Я заказала йогурт и фрукты, что для меня было просто роскошным пиром.

– Ханна, в последнее время с тобой что-то не так, – быстро проговорила она, как только от нас отошел официант. Ее глаза были синими-синими. Такими синими, которые могут быть только у человека, у которого никогда не возникает никаких колебаний или сомнений. – Ты стала совершать ошибки.

Я кивнула. Вообще-то я всегда выполняла свою работу идеально. Может быть, не так идеально, как сама Клавдия, которая занималась самыми богатыми и щедрыми меценатами, поддерживающими музей. Но я умела улыбаться часами. Знала, что делаю, и умела большую часть времени вести себя так, словно была невидимой. За исключением тех случаев, когда совершала ошибки. А ошибки я периодически делала.

– И я имею в виду серьезные ошибки, – продолжила Клавдия.

В то время мои дни были какими-то рваными. Я много думала о том, что и как много я ем, что мне делать после еды – пойти на тренировку, чтобы сжечь калории, или уединиться в туалете, чтобы меня вырвало, и если пойти в туалет, то в какой и когда. Потом в моей голове постоянно слышался голос. Всегда один и тот же голос. Если бы ты только была здесь. И с каждым новым днем казалось, что этот голос слышится все ближе и ближе.

– Эти ошибки стоят денег.

У меня могла начать кружиться голова, когда я смотрела на монитор, я могла по ошибке открыть не тот файл, одобрить совершенно не ту платежку, которую надо было одобрить...

– А тот имейл был просто бомбой.

Да, однажды я по ошибке переправила человеку имейл, который ему совершенно точно не надо было перенаправлять. И после таких ошибок я переставала быть невидимой.

– И вот недавно еще и жалоба на тебя по поводу того, что ты упала во время тура. Об этом мне сообщил один из ВИПов. – Клавдия вздохнула.

Я кивнула. Мне было нечего ей сказать. Единственное, о чем я мечтала, было то, чтобы наш разговор касался только работы и допущенных мной ошибок. Я не хотела, чтобы мы говорили на более личные темы.

– Я сказала ему, что ты болеешь, – продолжила Клавдия. – Роберт о последнем инциденте ничего не знает.

Роберт был директором музея.

Официант принес наш заказ, и я смотрела, как Клавдия ест. Я не пыталась оправдываться. Я надеялась на то, что она не начнет копать глубже. Но этого не произошло.

– Мне кажется, что у тебя есть какая-то проблема, – сказала Клавдия и посмотрела мне в глаза. У меня было ощущение, что она видит меня насквозь.

Я так и не прикоснулась к стоящему передо мной йогурту. Просто была не в состоянии поднести ложку ко рту.

– Ханна?

Я вздохнула и попыталась убедить ее в том, что у меня все в порядке. Скорее всего она точно ничего не знала. Но я не могла смотреть ей в глаза.

– Нет, ты меня не понимаешь, – сказала Клавдия. – У тебя сейчас действительно серьезные проблемы.

Мне показалось, что время словно остановилось. Голова начала кружиться. Я понимала, что все, что говорю, звучит не очень убедительно, но ничего другого я ей не могла сказать.

– У меня все в порядке, – упорствовала я.

– Нет, у тебя не все в порядке. Ты себя голодом моришь. Ты только посмотри на себя! У тебя ресницы выпадают!

Меня глубоко поразило ее наблюдение. Ресницы у меня, конечно, не выпадали, но ее слова я запомнила надолго. И вместе с этими словами пришел конец нашей дружбе. До этого я уже потеряла нескольких друзей, но с ними все было совсем по-другому.

В конце первой недели занятий в клубе я познакомилась с Франческой.

Всю неделю я тренировалась в спортзале под музеем Уффици. Я садилась на узкое,двигающееся на рейках сиденье гребного тренажера и бралась руками за деревянную рукоятку. Потом я толкалась ногами, и сиденье отъезжало назад, передвигаясь по железным рейкам. Я подтягивала деревянную, заменявшую весло, рукоятку до груди, а натяжение эластичных тросов, на которых эта рукоятка крепилась, имитировало сопротивление воды. Потом сиденье начинало двигаться вперед, и мои колени сгибались так, что чуть не касались подбородка. Постепенно я освоила эти движения и к ним привыкла. От крутящегося колеса дул охлаждавший меня воздух. За последний год я потеряла так много мышечной ткани, что после нескольких «гребков» на тренажере ноги, руки и даже сиденье начинали дрожать. Но потом постепенно я вошла в ритм. Движешься вперед и сжимаешься, движешься назад и распрямляешься. Сначала медленно, потом быстрее. Я получала удовольствие от того, что двигалась. Энергия, которую я тратила во время тренировок, компенсировалась тем, что мой список расширился и я стала больше есть. Все равно я не смотрела на себя в зеркала, установленные на стене зала. Я смотрела на рукоятку, на колесо и свои ноги.

Через несколько дней после начала тренировок Стефано увидел, как я мучаюсь на тренажере, и помог мне советом, как надо правильно на нем тренироваться. За то время, пока я хожу в клуб, я разговаривала только с ним и Мануэле. Я не общалась ни с одним другим членом клуба. По утрам в клубе занимаются в основном старики. По коридорам разносится их болтовня и клацанье металла тренажеров поднятия тяжестей. Работающие мужчины часто приходят на тренировку в обеденный перерыв, в период, когда город замер во время сиесты. После окончания школьных занятий в клубе появляются мальчишки. Они неумело управляют байдарками и слишком близко подплывают к берегу, у которого собирается много мусора. Стефано выкрикивает им инструкции с

моторной лодки, обнадеживающе улыбается и строит гримасы, когда лодка ребят слишком близко оказывается у берега. В это время старики все еще сидят на берегу, продолжая критиковать мальчишек, проплывающих мимо них на небольших деревянных байдарках.

В субботу я вошла в раздевалку и увидела Франческу. Она была совершенно голая и, наклонившись над раковиной, внимательно осматривала в зеркало свои глаза. Глаза у нее были немного припухшие, с красными кругами вокруг.

– Как дела? – спросила она меня на прекрасном английском. – Я Франческа. А ты американка.

– Ханна, – сказала я, и мне показалось, что мой собственный голос прозвучал как-то странно.

– Ханна. Ты студентка?

Я подумала, что она хочет сделать мне комплимент.

– Нет, не студентка. Просто решила пожить здесь некоторое время.

– А давно ты уже здесь? – спросила Франческа, размазывая крем вокруг глаз.

– Затрудняюсь ответить.

– Вот как? Тогда поосторожнее, здесь время течет не так, как в других местах. – Она потерла одну ладонь о другую. – Здесь время скользкое. Кажется, что движется медленней, но на самом деле это совсем не так. Посмотри на мое лицо. – Она посмотрела в глаза моему отражению в зеркале и слегка оттянула свою кожу на лице. – Всегда можно точно сказать, как я себя чувствую. Я не могу позволить себе быть слишком грустной, потому что все это моментально видно по лицу. Время прилипает, понимаешь?

– Это ты о...

– О морщинах. О возрасте. Впрочем, тебе рано еще об этом знать. Тебе сколько лет?

– Двадцать девять.

– Хм. – Она снова перевела взгляд на собственное отражение в зеркале. – Я думала, что ты моложе.

Мне не очень понравилось ее замечание, но сейчас меня больше волновало то, как я буду переодеваться. Я не люблю переодеваться тогда, когда на меня кто-нибудь смотрит. За взглядами могут последовать и вопросы. Несмотря на то что я снова начала есть, моя плоть продолжала исчезать. Мое тело – сплошные кости. Кроме этого на коже царапины и синяки. Они появляются на теле совершенно неожиданно и без причины. Синяки – это, так сказать, вещественные доказательства, улики. Скрыться от Франчески никак не получалось, поэтому я переодевалась по одной вещи. Сняла одну – надела вместо нее другую. Я бросила взгляд на фигуру Франчески. Не буду говорить, что по сравнению с ней выглядела хрупко. Я – как амазонка. У меня большие руки и ноги. В роду женщины были такого телосложения. Франческа сделана совсем из другого теста. Она субтильная особа невысокого роста. Ей, наверное, уже за сорок, но, если не обращать внимания на красные круги вокруг ее глаз, можно подумать, что ей нет и двадцати пяти.

Через вентиляцию до нас долетел взрыв хохота из мужской раздевалки.

– Эти просто сумасшедшие. – Франческа закатила глаза при звуке хохота и подошла к своему шкафчику. – Эти мужики просто сумасшедшие. Послушай, здесь была одна австралийка, так вот представь, она обожглась целых три раза! Три раза! – Она достала из шкафчика чулки и внимательно их осмотрела. – Ей было тридцать три. Можно было бы предположить, что к такому возрасту девушка поумнеет. Но нет, она вела себя так, как будто ей тринадцать. А с такими мужиками, как те, это не проходит. Слушай, этот парень из Чикаго очень даже ничего. Ты с ним знакома?

Я кивнула в ответ. Она говорила о Питере. Он студент, хороший гребец, серьезно тренируется. Ходит по клубу и руки держит немного в стороне от тела, словно их только что надули. Он молодой, еще моложе меня.

– Американские мальчики милые. Простые. Я какое-то время жила в Америке. Ха, надо было в Америке и остаться! Потому что с итальянскими мужчинами ничего никогда не понятно. Она три раза обожглась, ты представляешь!

– А что ты имеешь в виду под выражением «обожглась»? – поинтересовалась я.

Франческа плотно сжала губы и помахала рукой.

– Она перед всеми опозорилась. Все об этом узнали. И двое из тех мужчин были женаты.

– И ей никто об этом не сказал? – удивилась я.

– О чем сказал?

– О том, что они женаты?

– Да я думала, что она и сама все понимает! Я считала, что к ее возрасту люди умнеют. Ей было тридцать три, на минуточку! Дошло до того, что она уже не могла в клубе появляться. Тогда было уже поздно что-либо делать.

Франческа повернулась лицом к зеркалу, начала укладывать волосы и замолчала. В тишине через вентиляцию до нас долетел очередной взрыв смеха в мужской раздевалке. В женской раздевалке возникло ощущение, словно ты попала в мавзолей или подвал. Женщин – членов клуба немного, мы редкие залетные птицы в толпе мужчин, мы – словно несколько красных плиток на белом кафеле стены. Просто несколько отдельных световых пятен.

– В клубе мало женщин, верно? – спросила я.

– Несколько человек все-таки есть. – Франческа пожала плечами. – Но в основном здесь мужчины. Мне совершенно все равно, главное, что среди них нет моего мужа. Если бы он был членом этого клуба, меня бы точно здесь не было.

Я молчала, но она посмотрела мне в глаза и продолжила:

– В течение дня мы с ним очень коротко видимся. Около получаса по вечерам. Потом я ухожу гулять с собаками, чтобы только его не видеть.

Она надела короткие спортивные носки. Секунда, в которую я испытывала неприязнь к этой женщине, прошла, как улетело облако за горизонт. Франческа переменчива, как вода, и у меня появилось желание узнать ее поближе.

– А ты из Флоренции?

– Я? Нет, конечно. Я из настоящего города, из Милана. Но я здесь уже двадцать лет живу, – со вздохом добавила она, словно на ее плечах лежала тяжелая ноша. – Как я тебе уже говорила, здесь забываешь о времени.

– Ты познакомилась со своим мужем во Флоренции?

Она снова вздохнула.

– Да. Мне был двадцать один. А тебе, еще раз, сколько?

– Двадцать девять, – повторила я.

– Ah, s?. Двадцать девять. Значит, ты понимаешь. Мне тогда был двадцать один год. Я была слишком молода. Мой муж – человек очень громкий. Настоящий невротик. Я иногда замечаю черты мужа в нашей дочери. Ей сейчас тринадцать. Очень странный возраст – вся в прыщах, и волосы короткие. – Она на мгновение замолчала, а потом резко сменила тему: – У Питера же никого нет, верно?

– Не знаю. Он еще студент, – ответила я и подумала: «О чем она вообще?»

– Да, он одинокий. В его возрасте все мужчины одинокие. – И решительным движением закрыла дверку своего шкафчика. – Ты придешь на игру в понедельник? – спросила Франческа.

– Не знаю, не уверена.

Стефано раздавал приглашения на один из первых в этом сезоне футбольных матчей. Он купил билеты со скидкой для членов гребного клуба. Я взяла у него один билет и сказала ему, что приду на игру, хотя в этом совершенно не была уверена. Одно дело прийти в клуб и за эспрессо перебраться с кем-нибудь парой фраз. Другое дело – встречаться с этими людьми в настоящем мире.

– Обязательно приходи, – посоветовала Франческа. – Мне для моральной поддержки нужна еще одна женщина. К тому же игра будет интересной. В общем, давай береги себя. Если хочешь, то можешь узнать у меня то, что тебя интересует по поводу отдельных членов клуба. – Она бросила оценивающий взгляд на свое отражение в зеркале. – Я с пониманием к таким вещам отношусь. Я не сторонник того, чтобы отказывать себе в удовольствии.

Я не совсем понимала, о чем она.

– Удовольствия в этой жизни меня всему научили. Может, это и стыдно, но именно так оно и есть. – Она подошла к выходу раздевалки и бросила мне на ходу: – Ciao.

– Ciao, – ответила я, но я была не уверена в том, что Франческа меня услышала, потому что она вышла с улыбкой на губах и ее голос уже слышался по другую сторону двери в коридоре, где она вступила с кем-то в разговор.

В тот день я долго мучилась с тренажером, пытаюсь попасть в нормальный ритм. Я смотрела на свои руки, и они казались мне толще, чем были раньше. В зеркале отражалось мое красное, вспотевшее лицо. Я вся была в поту. Вы на нее только посмотрите! Я закрыла глаза, подъехала на сиденье вперед, колени к подбородку, оттолкнулась обеими ногами и потянула руками за рукоятку. Позади себя я услышала шаги. В зал сначала вошел Стефано, а за ним Лука. Лука перекинул сумку через плечо. Я посмотрела на их отражения в зеркале.

– Послушай, – сказал Стефано, – слишком быстро.

– Слишком быстро? – переспросила я.

– Тебе надо подождать.

– Чего подождать?

– Толкай, а потом...

– Стефано! – раздался в коридоре голос.

– Scusi, – произнес Стефано и исчез.

Лука смотрел на мое отражение в зеркале, и я перестала двигаться и замерла. Он улыбался, но продолжал молчать. Он производил на меня впечатление человека, полностью довольного собой и окружающим его миром. От этого я почему-то начала слегка нервничать.

– Не торопись, – произнес наконец Лука, подошел ко мне и положил свою сумку на пол. – Отталкивайся ногами, а потом тяни руками. Попробуй.

Я наклонилась вперед, сжалась, а потом резко, как пружина, распрямилась назад и при этом потянула рукоятку.

– Слишком быстро, – сказал Лука. – Еще раз. Медленней.

Я наклонилась вперед, сжалась и начала тянуть, но тут почувствовала, что мне на спину что-то давит. Я посмотрела в зеркало и увидела, что Лука наклонился и положил мне ладонь на спину. Я ждала, когда он начнет улыбаться и скажет что-нибудь, чтобы произвести на меня впечатление.

– Подожди, – сказал он (только и всего?) и потом добавил: – Отталкивайся ногами.

Он давил ладонью мне на спину и постепенно отпускал, по мере того как я отъезжала назад. Когда мои ноги уже почти выпрямились, он сказал: «Сейчас», и я потянула рукоятку, пока она не оказалась у груди.

– Вот так, – произнес он. – Поняла?

Я кивнула.

– Еще раз.

Я повторила движение, на этот раз без его помощи.

– Brava.

Лука распрямился в полный рост, улыбнулся, и кожа вокруг его глаз собиралась морщинками. Точно так же, как и Франческа, он скорее всего выглядел моложе своих лет, но годы жизненного опыта не оставили на нем свой тяжелый след.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности. – Он повернулся и начал от меня отходить.

– Я тебя здесь завтра увижу? – спросила я. Мой голос эхом раздался по залу, и Лука удивленно обернулся.

– Завтра? Но, – ответил он, и на его лице появилось смущенное выражение. Я что-то сделала не так? Неправильно истолковала его добрый жест или что-нибудь еще?

– Завтра воскресенье, – объяснил он. – Клуб будет закрыт.

– А-а, точно.

Действительно, завтра воскресенье.

– Allora, скоро увидимся. Может быть, в понедельник, да? Во время матча? – Он наклонил голову, улыбнулся и ушел, оставляя во мне ощущение легкости, которое я пыталась удержать, наклоняясь вперед и толкаясь назад, выжидая момент, когда надо начинать тянуть руками. Потом я остановилась, и колесо, немного покрутившись, остановилось тоже и замерло.

Глава 3

Воскресенье. Закрыт не только клуб, но и весь город. В выходные здесь совсем по-другому, чем в Штатах. В Америке в выходные иногда приходится ходить за покупками чуть дальше, чем в будни, а здесь все тотально закрыто. Мне надо бы начинать искать в Штатах работу, но вместо этого я поспешно вышла из квартиры, добралась до вокзала, где купила билет второго класса до Сиены, и впервые за все время пребывания во Флоренции уехала из города.

Мы отъехали от перрона, и в вагон зашел мужчина в очках в железной оправе. В его руках была сигарета, и он явно искал вагон, в котором можно курить. Наискосок от меня сидели две молодые девушки. Одна из них – с большими глазами и кукольными губками – уверенным голосом громко читала подруге какую-то книгу, скорее всего роман. Ноги ее подруги лежали на стоящем на полу большом рюкзаке. Я старалась на них не пялиться. Девушка читала с выражением и с мимикой. Ее глаза то расширялись, то становились уже. Ее свободная рука лежала на колене и время от времени поднималась, чтобы перевернуть страницу. С каждым новым жестом и выражением лица она была словно новая картина. Через несколько минут мы проехали пригород Флоренции. Когда поезд въехал в гористую местность, девушка сделала в чтении паузу, положила руку на спинку сиденья за спиной подруги и краем глаза хитро посмотрела на меня, словно я намеревалась найти в ее внешности какой-нибудь изъян. Я не видела в ее внешности никаких недостатков и закрыла глаза, радуясь тому, что такие идеальные девушки, как эта, все-таки существуют.

Солнце еще только поднималось и деликатно золотило холмы. С одной стороны поезда было все яркое и зеленое, а с другой – сумрачное, словно в китайском театре теней. Мы двигались на юг. Я чувствовала себя прекрасно. Поезд делал остановки в каждом из городов по пути, солнце появилось из-за облаков, день был серый, и я ехала в место, в котором еще ни разу не была. С каждым поворотом путей мы все глубже уходили в холмы и горы. Через некоторое время поселения исчезли и за окном во время длинных перегонов между станциями мелькала только земля. Периодически мы проезжали платформы с вывесками, на которых название остановки было написано большими печатными буквами: Montelupo. Empoli. Castelfiorentino. Удивительные названия. Я думала о том, какие первые впечатления они сулят. Не разочаруют ли меня, если я выйду на первой попавшейся остановке?

Сидящая наискосок от меня девушка, которая раньше слушала чтение подруги, вынула из рюкзака огромный огурец и складной нож. Она передала овощ и нож подруге, которая, продолжая чтение вслух, принялась, не глядя, срезать с огурца длинными полосками кожицу. Ни секунды простоя, ни джоуля потерянной впустую энергии. Эта девушка прекрасно знала, что ей надо, и умела почистить огурец так, чтобы не срезать лишней мякоти. Я смотрела на нее и думала о том, что что-то в ней напоминает мне мою собственную историю. Когда-то и я была такой же уверенной, как она.

В Бостоне, свесившись из окна своей квартиры и лежа животом на батарее отопления, я смотрела на крыши домов. Окружавшие меня здания были мне знакомы. Мне были знакомы их углы, корпуса и переходы между зданиями. Эти дома были связаны со мной и людьми, которые были мне близки в прошлом или оставались в моей жизни по настоящий момент. Перед моими глазами было созвездие моего собственного существования. Я всегда помнила, где проходят границы знакомых мне районов. Тогда я не понимала, но сейчас осознала, какое большое значение все это имело. Каждый раз, произнося имя друга или подруги, улицы или района города, я говорила: Это мое, это мое, это мое. Теперь я была всего лишь одинокой точкой в пространстве и видела настолько далеко, насколько позволяло зрение: поле с левой стороны поезда, рощицу деревьев с правой и двух девушек, сидящих наискосок от меня.

Слушающая чтение девушка наклонилась и достала из рюкзака пакетик с сухими приправами и пачку галет. Девушка, которая читала вслух роман, бросила, наконец, свое занятие и нарезала огурец тоненькими ломтиками на салфетку, расстеленную на сиденье между собой и подругой. Потом каждая из них молча и сконцентрированно взяла по кусочку огурца, положила его на галету и посыпала его сверху секретной приправой. Этот рецепт, как мне казалось, они переняли у своих матерей. Закончив есть, они посмотрели на меня, я смущенно отвела глаза и посмотрела в окно. Кто-то здесь меня знает, – хотелось мне закричать.

Конец июня. Просто не верится в то, что это было всего три месяца назад. Я смотрела из окна в квартире своей сестры. Мир оттуда казался игрушечным: кроны деревьев, лежащие на зеленой траве тела, за всем этим наполовину скрытая из вида река Чарльз. Все было организовано, все было логично, и со всем этим вполне можно было жить. Я хотела бы быть ребенком, наблюдающим эти лакуны или очаги жизни. Я хотела бы быть ребенком, который наслаждается весной, радуется тому, что световой день становится длиннее, и ожидающим наступления лета. Я уже и не знала, чем объяснить то, что постоянно чувствовала себя несчастной: потерей, работой или стрессом. Объяснить все то, что случилось с Джулианом, было просто. «Оставь меня в покое», – вот что много раз повторяла я ему. До тех пор, пока он не оставил.

С квартирой Кейт у меня не было связано никаких плохих воспоминаний, это была территория, не затронутая войной и депрессией. В ее гостиной с белым диваном, белыми стенами и видом из окна на игрушечный мир внизу можно было

бы подумать, что ничего страшного со мной и не произошло. Но на самом деле то, что случилось, отрицать было бессмысленно. Все это было очень реально.

– Отсюда зимой видно реку, – сказала сестра и встала рядом со мной.

– Я потеряла работу.

– Я знаю, – тихо ответила она.

– Я опозорила все правление музея. Это единственная причина. Иначе бы никто вообще не обратил на это внимания, – сказала я. Я не стала говорить Кейт обо всем остальном. Она бы не поняла.

– Сейчас это не имеет никакого значения. Тебе надо собой заняться, – произнесла сестра. С тех пор как наши родители разошлись, отец полностью исчез в своей новой семье, а наша непреклонная и непоколебимая мать с головой ушла в работу, сестра всегда была человеком, который решал вопросы и склеивал разваливающееся. Мать не обладала качествами, которые были у сестры. Жизненным девизом и единственным советом, который мне могла бы дать мать, был бы короткий призыв: «Соберись!» Кейт, в отличие от матери, не только умела хорошо выживать в любых ситуациях, но и латать и склеивать то, что было разбито.

– Ты можешь у меня жить. Откажись от своей квартиры.

– Я ее пересдам другим людям. – Мне очень хотелось показать сестре, что я в состоянии справиться с житейскими сложностями. – У меня есть план.

– План?

– Я собираюсь на некоторое время уехать из Бостона.

– Боже ты мой, Ханна! Ты прости меня, но ситуация слишком серьезная. Тебе нужна помощь специалистов, а не отпуск. – Она немного помолчала и потом спросила: – Когда все это началось?

Я замерла. Я понимала, что сестра хочет вернуться к нашему разговору позже, когда мы будем ужинать. Во время трапезы я чуть не расплакалась и призналась ей в том, о чем она уже и сама догадалась. Я вела себя как ребенок.

– Все это из-за Джулиана, верно? Он казался мне вполне приличным парнем, но я все равно не могу понять, почему...

– Перестань искать виноватых.

Джулиан действительно был приличным и милым. Потом в течение нескольких месяцев он переживал, а потом у него, точно так же как и у Кейт, начали возникать подозрения. И вот сейчас он исчез из моей жизни, а боль осталась. Но эта боль была во мне задолго до его появления в моей жизни. Она всегда воспалялась, словно боль в старой ране перед дождем.

– Я одна, и я прекрасно справляюсь, – ответила я, повернувшись к ней лицом. – Что еще ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты была такой, какой была раньше. С собой, – произнесла Кейт тоном, которым говорила со мной этим утром по телефону. Тем же тоном, которым говорила со мной, когда я три дня, не вылезая, провела в кровати. Тем тоном, которым она могла бы разбить мне сердце, если бы я это позволила.

– Да я точно такая же, какой была раньше, – огрызнулась я. – Не надо мне ни в чем помогать. – Мне надо было остановиться, но я очень, очень рассердилась. – Может быть, ты сама мне мешаешь. Ты думаешь, я не замечаю, что ты за мной постоянно следишь? Ты все время на меня смотришь. Я тебе не эксперимент какой-нибудь.

Она опустила голову.

– Я знаю, что ты делаешь, – продолжала я. – И это совершенно не помогает. Пожалуйста, оставь меня в покое. Ты, честное слово, мне совсем не помогаешь.

Она приложила ладонь к моему лицу, но я продолжала говорить ей резкие слова до тех пор, пока сестра не прошептала: «Так где же ты все-таки поскользнулась?» – и начала плакать. Я продолжала говорить колкости, пока

Кейт не ушла в свою спальню, заперла за собой дверь и начала говорить по телефону. Я продолжала стоять у окна. Темнело, и люди медленными и размеренными шагами начали уходить из парка через несколько выходов в ограде.

«Она просто не представляет, кем я могу стать», – подумала я тогда. Я смотрела на такой организованный мир внизу и думала о том, что может быть возможным и чего можно достигнуть. Главное – уехать куда-нибудь подальше от любопытных глаз. От тех, кто за мной наблюдает.

Я следовала по указателям, прошла на территорию внутри древних городских стен и оказалась в историческом центре Сиены. Еще было достаточно рано: служба в церквях уже закончилась, но магазины еще не открылись. Открыты были лишь некоторые кофе-бары, в которых с чашечками эспresso, поглядывая на экран небольшого телевизора, сидели буквально один-два человека. По телевизору, как обычно, показывали футбол.

Улицы в Сиене оказались уже, чем во Флоренции, и окружающие меня фасады зданий резали небо на узкие полоски. Сиена словно принадлежала более ранним, ушедшим поколениям, здесь все представлялось закрытым, и кругом масса церквей и монастырей. Мне казалось, что я могу упереть глаза только в мостовую или на купола церквей. Чувствовала себя, словно попала в Средневековье. По узкому каньону улиц я вышла на Пьяцца-дель-Кампо[5 - Центральная площадь города Сиены (прим. пер.)]. Это огромная вымощенная камнем площадь, где на первых этажах выходящих на нее зданий расположены кафе. Я зашла в недостроенный Дуомо, а потом отправилась из центра города к церкви, построенной на одном из окружающих Сиену холмов. Это огромная, но скромная на вид церковь. Я не сразу заметила входную деревянную дверь, которая была немного приоткрыта. Я вошла и увидела, что интерьер оформлен достаточно скромно. Внутри тихо, прохладный воздух и белые стены. Мне понравилась эта простота: стены из светлого камня и над головой деревянные балки. Было бы неплохо посидеть здесь, почитать и пописать. Было бы неплохо побыть здесь и дожждаться ответов. Я сделала глубокий вдох и почувствовала запах благовоний. Чуть ближе к нефу около стены базилики стояла на коленях женщина, кроме нее и меня, кажется, в церкви никого не было. Но вскоре появился священник. Это оказался старик невысокого роста с пучками седых волос вокруг ушей. Он улыбался. Священник подошел ко мне и предложил показать церковь.

– Grazie, – поблагодарила я и практически моментально поняла, что совершила ошибку. Священник начал быстро говорить по-итальянски с таким энтузиазмом, что у меня язык не повернулся его остановить. Он взял меня за рукав и повел к небольшой фреске в дальнем углу церкви.

– Знаете святую Екатерину?[6 - Екатерина Сиенская, Caterina da Siena (ит.); урожденная Катерина ди Бенинкаса, 1347–1380, терциарка (монахиня в миру) доминиканского ордена, итальянская религиозная деятельница и писательница позднего Средневековья (прим. пер.).]

Я кивнула в ответ. Конечно, я слышала о Екатерине Сиенской. Я узнала о ней в колледже и видела ее изображения. Вот это по крайней мере выглядело очень похоже на то, что я помнила со времен учебы. На святой черно-белая накидка под названием мантиеллата и в руке цветок лилии на длинном стебле. В глаза бросилось то, что эта фреска была нарисована до наступления эпохи Ренессанса, потому что изображение совершенно плоское, опущенные миндалевидные глаза святой без выражения, пропорции не самые реалистичные, и все ее тело освещено каким-то странным зеленым сиянием. Фреска оставила странное и слегка пугающее ощущение. На ладонях святой изображены капли крови от «незримого» стигмата. Что еще? У Екатерины Сиенской были видения, и она впадала в экстаз точно так же, как и святая Тереза[7 - Тереза Авильская, имя в миру – Тереса Санчес д’Авила-и-Аумада, 1515–1582, испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создатель орденской ветви «босоногих кармелиток»]. Кроме этого Екатерина Сиенская считается одной из самых знаменитых «невест Христовых» – у нее было видение, в котором Христос обменялся с ней обручальными кольцами.

Мы некоторое время постояли перед фреской. Священник смотрел на изображение святой и качал головой. Казалось, что он вот-вот расплчется. Потом он снова подхватил меня за рукав и начал говорить. Я по-прежнему ничего не понимала. Он вел меня, шаркая по мраморному полу ногами, а я старалась ступать бесшумно. Сначала он повел меня к левой стене храма, по пути мы останавливались около нескольких картин, священник показал на потолок и произнес несколько дат. Потом мы подошли ближе к алтарю, и он продемонстрировал мне витражи. После этого священник отвел меня к боковой капелле, покрытой фресками. Стоя в этой нише, возникло чувство, что находишься в отдельном храме.

– Это ее голова, – произнес он серьезным тоном.

– Ее голова? – переспросила я.

– S?, ее голова, – утвердительно кивнул священник. И действительно, в этот момент я увидела ее мумифицированную голову в безупречно белом апостольнике. Ее щеки запали, нос практически исчез, передние зубы оголились, глаза были закрыты, а брови странным образом приподняты. Я оглянулась в поисках детей, которые могут получить психическую травму при виде этой средневековой реликвии, но, кроме Екатерины Сиенской, священника и меня, в церкви никого нет.

– А это ее палец, – произнес священник и показал на стеклянный бокс, в котором я разглядела поднятый к небу одинокий высохший палец.

– Это ее палец? – удивилась я.

Он кивнул и с улыбкой показал вверх. Священник продолжал улыбаться, и я начала догадываться, что экскурсия по церкви подошла к концу. Он отрицательно покачал головой, когда я предложила ему деньги. Он поклонялся и быстро исчез.

Я отошла от останков расчлененной святой и начала рассматривать фрески, на которых была продемонстрирована ее жизнь. Изображения на этих фресках уже были более реалистичные, видимо, их выполнили спустя век или больше после ее смерти. На этих фресках была перспектива, читалось выражение лица, и вместо глухого фона Екатерина была изображена в городском пейзаже, в котором за ее спиной просматривались дома и дали. На одном из изображений я увидела, как она получает стигмат. Она упала, и ее глаза в экстазе устремлены вверх. Казалось, что она не контролирует свое тело. На изображении на другой стене было показано, как она молится за душу человека, которого в тот момент казнят. Голову этого несчастного отрубили. Та же самая участь ждала и Екатерину после ее смерти.

Я посмотрела на третью фреску и замерла. На фреске святая Екатерина стояла, поднимая руку, над женщиной, одержимой демонами. Люди смотрели на женщин из-за колонн, а некоторые, наоборот, в ужасе прятали лица. Трусы. Святая Екатерина спокойна. Она опустила глаза и подняла руку. На земле извивалась

одержимая женщина: ее голова запрокинулась, а руки и ноги торчали в стороны под неестественным углом.

Так какой же из этих двух женщин являюсь я сама? Той, которая, как сумасшедшая, стремится к чему-то невидимому, или той, которая спокойно стоит и смотрит? Я была ими обеими. Я была сумасшедшей, которая кричала, напрягалась и умерщвляла свою плоть, сбрасывая ее со своих костей. Скульптурой занималась.

Когда все это началось? – раздался в ушах голос сестры, спокойно наблюдавшей за тем, как я постепенно исчезала. И даже после этого я не перестала умерщвлять свою плоть, не перестала изменять свое тело. Да, я хотела иметь красивое тело. Но я не была сумасшедшей. Я вела себя очень спокойно. Сестра этого не замечала. Она не видела того, что я не только убираю, а создаю и стараюсь чего-то достичь.

Я, наверное, очень долго простояла перед той фреской. Лицо Екатерины Сиенской, смотревшей на одержимую, было абсолютно непроницаемым. «Но чувства же есть у всех, даже у святых», – думала я. Я перешла к первому изображению святой в экстазе, а потом снова посмотрела на изображение одержимой. Мне показалось, что лица этих женщин очень похожи. Может быть, глядя на одержимую, Екатерина узнавала в ней саму себя, находившуюся в состоянии экстаза во время одного из своих видений. Разница была лишь в том, что, как сказали Екатерине, другая женщина была одержима дьяволом, а не получала послание от Господа. Тем не менее я не могла избавиться от ощущения того, что Екатерина смотрит на себя в зеркале и ей кажется странным то, что ее просят излечить ее собственное отражение.

Я зашла в магазин при базилике, являющийся одной из немногих открытых торговых точек города в эти часы, и купила книгу о жизни святой. Но, когда уже к вечеру сидела в поезде, отправляющемся назад во Флоренцию, я была не в состоянии сконцентрироваться на словах. Я положила книгу на сиденье, закрыла глаза и представила, что я уже во Флоренции. Путешествие – странная штука. Ты словно существуешь в двух местах одновременно, ты как будто раздвоилась. Есть какое-то знакомое тебе место и то место, в которое ты направляешься. В своем воображении ты уже ходишь по улицам этого незнакомого города, ужинаешь в ресторане, после чего возвращаешься в свой отель. Получается, что ты находишься только в начале путешествия и еще не доехала до конечной

точки своего маршрута. Но я в будущем не видела себя на шумном перекрестке во Флоренции или в каком-нибудь темном переулке. Флоренция была местом, в котором я чувствовала себя очень шатко и зыбко, словно примостилась на жердочке. Будущее – гораздо лучше и приятней, и в этом будущем я сама гораздо лучше. Будущая я совсем не такая, как сейчас, не одинокая я, которая едет на поезде, убегая от всего того, что знала, и той, которой была. Я – другая. Я все знаю, уверенно флиртую, ничто меня не сдерживает, я мудрая и выздоровевшая. Эти мысли меня сначала успокоили, а потом начали пугать. Я поняла, что будущая я – это уже совсем не я настоящая. Я представила себе, как та женщина из будущего будет смотреть на меня настоящую. Как она будет обходить меня стороной, как она меня будет в упор не замечать. Я осознала, что будущая я будет жалеть, сочувствовать, свысока относиться, изгонять и уничтожать меня настоящую. Та женщина скажет: «Я помню, кем была до того, как поумнела». Она захочет уничтожить все то, что имеет отношение к тому человеку, которым я являюсь сейчас. Но это – я и это – мое. И эта поездка в полном одиночестве – это тоже я.

За окном мелькали тени. Я была всего лишь точкой в ночи, силуэтом за освещенным окном проносящегося поезда. «Это – первый день, – подумала я, глядя в темное окно на свое собственное отражение. – Это – первый день всей оставшейся твоей. Это – первый день. Оставшейся. Тебе жизни». И потом: «Оставшейся жизни. Что там у меня с оставшейся жизнью?»

Но сейчас я находилась там, где должна была. В несущемся в темноте поезде. И, по правде говоря, то место, в которое я направлялась, не существует. И будущая я пока тоже.

Глава 4

Следующим вечером на стадионе, несмотря на дождь, болельщиков собралось много, и толпа гудела, хотя игра еще не началась. Я показала свой билет на входе на стадион, услышала, как кто-то выкрикивает мое имя, ко мне подбежал мужчина, за которым еле поспевал зонт, который тот держал в руках.

– Привет! – Мужчина широко улыбнулся. Это был тот самый студент-американец. Щеки красные, с носа капает дождевая вода.

– Меня зовут Питер. Я из клуба гребли.

– Ханна. – Я протянула ему руку, но он одной рукой обнял меня, подмигнул и говорит: «Я в курсе!» Интересно, а он в курсе того, что я лет на десять его старше?

Вдвоем мы вышли на трибуны. Я осмотрелась в поисках знакомых лиц, и мы начали двигаться в сторону футбольного поля, где собирались одетые в красно-фиолетовые цвета болельщики местного клуба «Фиорентина»[8 - Итальянский футбольный клуб из Флоренции, существует с 1926 г. Двукратный чемпион Италии и по меньшей мере шестикратный обладатель Кубка Италии (прим. пер.).].

– Потрясающе! – сказал Питер. Мы снова показали билеты очередному контролеру и спустились вниз в следующий сектор стадиона. – Первая игра сезона. Я купил шарф болельщика, хотя погода слишком теплая для того, чтобы его носить. Черт, как же это здорово! Ты когда-нибудь была на футбольном матче?

– Нет, никогда! – Я старалась говорить с таким же энтузиазмом, с каким Питер воспринимал все происходящее вокруг, но эта задача мне была не по силам. Если честно, мне пока не очень нравилось то место, где я оказалась. Наш сектор был отделен высоким барьером из плексигласа от соседнего, в котором собрались болельщики команды противника. Я пробежала глазами вдоль рядов и наконец заметила сидящих в ряд людей в красных ветровках. Красные ветровки – это часть спортивной формы гребного клуба. Среди прочих я увидела Стефано и Луку, но мы не успели еще до них добраться, как я почувствовала, что кто-то взял меня за руку. Это оказалась Франческа.

– Ciao! – поприветствовала нас она. Ее глаза были сильно накрашены. – Идите сюда. Садитесь со мной.

Мне хотелось бы сесть с группой людей из клуба, но одной мне к ним идти не было охоты, поэтому я пробралась мимо Франчески и села рядом с барьером из плексигласа. Та моментально начала чирикать с Питером по-итальянски, и я принялась рассматривать сидящих вокруг людей. За барьером из плексигласа сидела и смотрела на меня женщина в годах. Она находилась в соседнем секторе, в котором бесновалась толпа людей в одежде с преобладанием

желтого цвета. Это болельщики команды Пармы. Я посмотрела на футбольное поле, на котором игроки уже начали разминку. За воротами полицейские с оружием и собаками. Франческа и Питер болтали и обо мне совершенно позабыли. Я старалась не вслушиваться в их разговор, не осуждать эту женщину, предупреждавшую меня, но при этом строящую планы на парня, который гораздо ее моложе. На мальчика, по сути. Она как будто не замечала, что он совсем мальчишка?

Я ощутила порыв холодящего ветра и тут же пожалела о том, что не надела чего-нибудь более теплого. Весь день я читала в парке у реки книгу о Екатерине Сиенской. Она родилась в семье, у которой был красивый бизнес, и ее родители надеялись на то, что их дочь найдет себе достойного мужа. В возрасте шести лет, находясь на улицах Сиены, у нее было видение, в котором над ней появился Христос и благословил ее. После этого видения Екатерина думала только о Спасителе. После того как девочке исполнилось двенадцать лет, мать начала выводить ее в свет, чтобы найти ей мужа. Но Екатерина сбрила волосы и обернула голову шалью. Она отказывалась видеть гостей, спала на досках и вокруг талии носила цепочку, на которой висели кресты и небольшие крючки, которые при каждом движении впивались в тело и оставляли кровоточащие раны. «Вот вам!» – как бы говорили эти крючки ее родителям, сватавшимся к ней мужчинам и всем тем, кто не верил в ее видения. «А вот вы возьмите и поверьте!» Сидя в парке, я дошла до этого места в биографии святой, тут начался дождь, и я промокла до нитки.

Прозвучал свисток, и игра началась. Я не видела поля, потому что все болельщики на стадионе вскочили на ноги. Где-то на трибунах выстрелили из ракетницы, дым от которой стал медленно оседать на трибунах, скрывая из вида болельщиков в желтой и красно-фиолетовой одежде, а также футбольное поле. Собаки полицейских начали волноваться. Я поняла, что на примере этого матча наблюдаю соревнование между двумя городами, которое продолжается уже много веков. В Италии соперничество между городами имеет очень давнюю историю. Сегодня флорентийский клуб играл с Пармой, но на месте Пармы могла бы быть команда из любого другого итальянского города, которую здесь бы встретили с не меньшим желанием обыграть.

– Здорово! – крикнула сидящая рядом со мной Франческа.

Мяч оказался у надежды флорентийской команды Мариотти. Он стремительно стал двигаться к воротам противника, его длинные волосы развеваются, как

флаг. У него красивое лицо мачо-мужчины, а его фотография часто появляется на обложках журналов. Но Мариотти не удалось забить гол, и фанаты Пармы начали скандировать: Vaffanculo! Vaffanculo!

Франческа взяла сидящего рядом Питера под руку.

– Ты пойдешь в клуб после матча? – спросила она меня через двадцать минут после начала матча. После игры планировался, так сказать, афтер-пати в танцклубе, владелец которого являлся членом нашего клуба по гребле. – Говорят, придет Мариотти. Хотя кто знает, осмелится ли он прийти после того, как так бездарно по воротам промазал. В общем, обязательно приходи. Будет весело.

Я не успела ей ответить потому, что в этот момент флорентийцы забили гол и болельщики начали радостно орать. Между мной и Франческой втиснулся огромный мужик с поднятым к небу кулаком. Я попыталась было ей ответить, но между нами появился огромный живот болельщика. Потом, когда этот живот вернулся на свое сиденье, я увидела, что смеющаяся, с широко открытыми глазами и ртом Франческа отворачивается от меня и поворачивается в сторону Питера и хватает своими тонкими пальцами его за щеку. Франческа и Питер словно исчезли в толпе вскочивших на ноги ликующих болельщиков, которые вдавили меня в плексиглас разделительной перегородки. Некоторое время я даже была не в состоянии сесть на свое собственное место. Потом все начали петь песню на какую-то очень знакомую мелодию. Наконец, когда я дотянулась до руки Франчески, она произнесла: «Увидимся на вечеринке!»

Я впихнулась между ней и Питером, который со светящимися от радости глазами громко пел. Когда болельщики дошли до припева, я узнала мелодию. Это битловская «Yellow Submarine», только итальянцы, обращаясь к болельщикам Пармы, пели со словами «В задницу вашу желтую лодку». Я услышала, что кто-то из всей дури бьет по плексигласовой перегородке, подняла глаза и увидела в соседнем секторе молодого парня в желтом свитере с прилизанными назад волосами. Он лупил кулаком по плексигласу и орал: «Vaffanculo! Vaffanculo!» Бессмысленно тратить на меня столько энергии, я не болельщик. Я смотрела на парня до тех пор, пока он смачно не плюнул в разделяющую нас перегородку, после чего я вздрогнула и отвела глаза.

Прошло несколько часов после окончания матча. Из открытых дверей танцклуба, расположенного в середине темного парка у реки, была слышна громкая музыка. Татуированный вышибала, едва удостоивший меня взглядом, сделал жест рукой, пропуская меня внутрь. Зал, в который я вошла, огромного размера. Народу так много, что яблоку негде было упасть, и бас из динамиков пробирал до самых костей. В центре зала круглый бар светился, как рождественская елочка. Потолок очень высокий, и над моей головой несколько этажей балкона, на которых стояли толпы отжигающих людей. По периметру зала я заметила несколько дверей, ведущих в отдельные комнаты, одну из которых занимали члены клуба по гребле. Во время ужина в кафе около стадиона я выпила пару бокалов вина и сейчас хотела выпить еще.

Я была одета скромно – джинсы, сандалии и пуловер на пуговицах. Такая одежда идеально подходила для футбольного матча, но в клубе я чувствовала себя как подросток, потому что все женщины были разряжены в пух и прах: на высоких каблуках и в плотно облегающих фигуру платьях. Впрочем, дело было далеко не только в одежде, мне не хватало итальянской жестикуляции и выразительности. Женщины вокруг меня разговаривали, смеялись, клали ладони на руки мужчин, закидывали назад головы, выгибали спины, качали бедрами из стороны в сторону так, что со стороны движения их тел начинали напоминать форму буквы S. Легкое движение влево и вправо, загиб буквы S с прямой спиной. Наклон вперед, наклон назад, но при этом полная привязка к земле. Этот язык тела привлекал и одновременно отпугивал то, что могла принести эта ночь. Я не умею так владеть телом, не знаю такой жестикуляции, у меня в запасе вообще нет никаких жестов. Я такая, какая есть. Я почувствовала, что кто-то легко потянул меня за волосы, обернулась и не увидела никого, кто мог бы это сделать. Провела ладонью по голове и пошла дальше. Около третьей по счету двери, частично закрытой толстой бархатной портьерой, была приклеена табличка с надписью от руки: «Флорентийский клуб гребли». Я вошла в комнату, в которой все было низкое: потолок, нижняя подсветка от пола и столики у дальней стены, за которыми сидели группки людей. В центре танцпол, на котором никого не было. В поисках Франчески и других знакомых я окинула комнату взглядом. Думала, что опоздала, а, как выяснилось, пришла слишком рано. Я никого из этих людей не узнала, ни мужчин, ни женщин, которые в этой комнате тоже присутствовали и которые тоже явно владели языком тела. Я заказала у молодого бармена водку с содовой. Ему, судя по всему, приходилось иметь дело с американскими студентами, потому что он даже и глазом не моргнул после того, как я залпом выпила и попросила повторить.

Каждый раз, когда приоткрывался занавес у двери, я поднимала глаза в надежде увидеть знакомое лицо, а потом бросала взгляд на свое отражение среди бутылок в зеркале за стойкой. Я старалась выглядеть естественно. Я закатывала один рукав рубашки, потом раскатывала его в прежнее положение. То наклонялась в одну сторону, потом, облокотившись на стойку бара, на другую. Вы на нее только посмотрите! Я приложила ладонь к лицу, чтобы почувствовать, что на лице стало больше плоти, чем раньше, и быстро опустила руку и посмотрела в сторону. Во время третьего заказа я попробовала новую «фишку» – я придвинулась ближе к бармену и улыбнулась. Его лицо осталось непроницаемым, и он зачерпнул в стакан льда. Я уже решила, что надо уходить, как увидела, что около двери началась «движуха».

– Oh Fiorentina...

В зале появился Стефано. Он становился на верхней ступеньке, подняв вверх руки, за его спиной просматривалось еще несколько мужчин. Раздалась песня.

– Oh Fiorentina...

Я заметила, что среди прочих за Стефано шли Лука и Джаанни. Все больше людей в зале, включая бармена, начали подпевать.

– Ricorda che del calcio ? tua la storia. La la la la la...

Я старалась заглянуть в глаза Стефано, но он меня не заметил, когда они прошли мимо меня, после чего разошлись, чтобы поприветствовать людей за разными столиками. Песня постепенно стихла, и люди начали общаться.

– Заказать вам еще?

Этот мужчина с будущими залысинами был гораздо старше меня. Он к тому же и ниже меня ростом, и рубашка у него расстегнута слишком на много пуговиц.

– No, grazie. – Я поднялась и показала ему то, что мой стакан почти полный.

Он протянул мне руку.

– Соно Бернардо.

– Ханна, – сказала я и пожала ему кончики пальцев.

– Приятно познакомиться, Анна. – Он сильно растягивал гласные, и улыбка не сходила с его лица.

– Ты в клубе гребцов?

– Да.

– Почему я тебя раньше никогда не видел?

Я думала о том, что бы такое сказать, чтобы раз и навсегда закончить этот разговор. Улыбка не сходила с его губ, словно прилипла.

– Хватит, Бернардо. Привет, красавица. – Стефано сжал мою руку и внимательно посмотрел на Бернардо, улыбка которого мгновенно исчезла, тот пожал плечами, что-то пробормотал вполголоса и отвернулся от меня.

– Grazie, – сказала я ему.

Стефано кивнул и заказал напитки.

– Прекрасная игра, да?

– Прекрасная игра, – как эхо откликнулась я, хотя не смотрела на поле большую часть игры.

Удерживая в руках разом три стакана, Стефан кивнул в сторону группы мужчин, сидящих вокруг столика с зажженной свечой. Со стороны казалось, что это сборище ведьм. Когда мы подошли к столику, разговор затих и Лука, улыбаясь, встал.

– Добрый вечер, – произнес Лука и пожал мне руку. Вместе с ним за столиком сидели Джианни, Серджио и еще один незнакомый мне мужчина с широкими

плечами и в тщательно отглаженном костюме.

– Ханна из Бостона, – представил меня Стефано незнакомцу.

– Карло, – произнес мужчина и слишком крепко пожал мою руку. Они продолжили прерванный нашим появлением разговор. Лука повернулся ко мне и спросил, чем я занималась последние дни. Я на мгновение задумалась и решила рассказать ему о поездке в Сиену.

– А, Сиена, – кивнул Лука. – Красивый город. Но Флоренция все равно красивее, нет?

Я подтвердила, что Флоренция действительно красивее, Лука одобрительно погладил меня по коленке, и его ладонь задержалась на ней чуть дольше, чем следовало. С ним я чувствовала себя уверенно, я верила его улыбке в свете свечи, хотя, может быть, все эти чувства – результат выпитого алкоголя. Я рассказала Луке о Екатерине Сиенской.

– Ah, Santa Caterina, – сказал он. – Интересная женщина.

Потом Лука посоветовал мне посетить во Флоренции одну церковь под названием Сан-Фреддиано[9 - Церковь посвящена святому Фридиану – раннехристианскому ирландскому паломнику, ставшему епископом города Лукка (прим. пер.).].

– Сан-Фреддиано. – Я мысленно повторила название, чтобы его запомнить. Я решила заказать себе еще водки. Я пошла к бару уверенной походкой, просочилась сквозь толпу и улыбнулась бармену, который на этот раз улыбается мне в ответ. На танцполе начали танцевать под музыку, которая показалась мне отдаленно знакомой.

Подходя к столику, я услышала, что кто-то из мужчин произнес имя Франчески, после чего все дружно засмеялись.

– Франческа? – громко переспросила я. Лука повернулся ко мне, а все остальные мужчины продолжили разговаривать между собой.

– S?, Франческа. Правда, смешно, нет? – ухмыльнулся Лука, но, видя мой непонимающий взгляд, переспросил: – Ты не поняла?

– Нет, вы говорите слишком быстро, – сказала я.

– Хм, – произнес он. – Тогда я расскажу об этом по-английски, чтобы попрактиковаться, *va bene*?

– Хорошо.

– Подожди. – Лука сделал глубокий вдох и начал рассказ: – Ты же знаешь Франческу, верно? Она всегда плавает на широких байдарках, потому что боится.

Действительно, в клубе есть достаточно широкие деревянные байдарки. Они более устойчивые на воде, чем узкие алюминиевые.

– Так вот на днях, – продолжил Лука, – мы предложили ей проплыть на маленькой байдарке. И она тут же: No! No! No! – Лука изобразил Франческу: плотно сжал губы, сложил руки на груди и отрицательно покачал головой. – Мы над ней посмеялись, а потом она говорит хорошо. Тогда Корреджио сажает ее в лодку, и она отплывает. На ней... эти... солнечные очки, да? И она машет нам так, словно мы совсем глупые.

Рассказывая эту сцену, Лука уже начал смеяться. Я почувствовала, как от его тела исходит приятное тепло.

– Она отплывает, и потом мы слышим ее крик. Рядом с лодкой эта... как ее... *una nutria*.

– Что-что? – переспросила я.

Лука попытался изобразить животное, для описания которого не нашел английского слова. Карло на противоположном углу стола громко рассмеялся.

– А, – сказала я, – крыса.

Я видела около берега крыс. Они плавают в реке, подняв морду над водой.

– Нет, – горячо возразил Лука, кладя ладонь мне на руку, – не крыса. No. Una nutria. Милая такая, не крыса, понимаешь?

– Нет, – ответила я. – Не понимаю, что может быть милого в крупном водоплавающем представителе семейства грызунов.

Стефано принес новые напитки, и Лука взял себе один из них.

– Так... – продолжил Лука. – В любом случае они не создают нам никаких проблем. Но Франческа начала размахивать руками, и тут лодку начинает качать, мы все кричим: «Спокойно!» – но она слишком активно двигается в лодке и потом оказывается в воде. Бедная нутрия...

– Бедная Франческа, – рассмеялась я, и звук моего смеха меня удивил.

– Бедная Франческа? – громко произнес Карло. – Macche povera очень бедная Франческа.

Лука проигнорировал его реплику.

– Франческа плывет и ударяется о зверька! Нутрия визжит и пытается уплыть в сторону, но не может, потому что застряла в nella... nella...

– В течении? – переспросила я.

– S?. В течении. Точно. С ума сойти. О, Франческа... – вздохнул Лука.

Он хотел сказать что-то еще, его опередил Карло, который что-то быстро пробормотал, и в сказанном им я уловила слово puttana. Все мужчины замолкли.

– Правда? – сказала я в полной тишине. Я осмелела от выпитого алкоголя, но, когда все начали на меня смотреть, я немного удивилась.

– А ты ее знаешь? – спросил Карло, не спуская с меня взгляда.

– Хватит, – произносит Лука. – Остановись, Карло. Ты пьян.

– Он ведет себя так для того, чтобы произвести на тебя впечатление, – сказал Карло с улыбкой, от которой у меня мурашки по телу. – Будь осторожна! Он точно такой же, как и все остальные мужчины.

Лука резко вскочил со стула.

– Заканчиваем, парни, – произнес Стефано. – Карло, хватит.

– S?, basta, – вторит ему Джианни.

Карло посмотрел на Луку и пожал плечами.

– А где Мариотти? Где этот подлый трус?

Лука бросил на Карла предостерегающий взгляд и сел.

– Прости, – сказал он мне, и разговор мужчин возобновился.

– Все в порядке.

– Как ты сама можешь догадаться, Карло уже не в первый раз так говорит. Но история сумасшедшая, по?

После этого Лука присоединился к разговору мужчин, как будто ничего не произошло.

Я уже немного заплетающимися ногами побрела к бару, заказала еще один напиток, после чего умудрилась вернуться за столик. Я медленно села и сделала заинтересованный вид. Потом начала вспоминать свое утро. Кофе, тост, это было. За ланчем салат: немного тунца, помидоры есть не стала. Вечером – помню бар после матча, помню быстрого официанта, деревянный стол, меню в пластике, заляпанном жирными пятнами, но что же я ела? Не могу вспомнить. Явно недостаточно. Недостаточно для того, чтобы потом закинуть в себя столько алкоголя. Сейчас у меня в животе – ужас и тоска.

Я посмотрела на мужчин и постаралась понять то, о чем они говорят, но ничего не вышло. Я видела, как движутся их губы, силилась понять, но их голоса с вкраплениями восклицаний и смеха начали кружиться. Я уже знала выражение *Prendere in giro*. Приколоться над кем-нибудь. Итальянцы используют это выражение для описания того, как над кем-нибудь подшучивают и иронизируют. Их слова словно закружились вокруг меня, и я начала подозревать, что они надо мной смеются.

Я зафиксировала взгляд на профиле Луки, чтобы картинка перед глазами не распадалась на части. Какое-то время это даже помогало.

Помню, что вокруг меня все разваливалось. «Что случилось?» – спрашивал Джулиан, проводя ладонью по внутренней стороне моей руки. Выражение его лица было озабоченным. Это было в апреле. Мы находились в баре под названием *South End*, там, где за восемь месяцев до этого встретились. Это была своего рода годовщина, которая еще не доросла до года.

Чуть ранее в тот же день я сбросила на пол все, что стояло на полках в моей ванной. Пытаясь достать с полки одну вещь, я ее опрокинула. Все стоявшее на полке упало, губная помада лежала в раковине, тюбики с тушью для ресниц рассыпались по полу. Я быстро подняла руку, чтобы остановить лавину, но задела край зеркала, который был уже давно отбит и ждал того, как меня порезать. В результате у меня на руке появился глубокий порез. Я попыталась скрыть эту рану, но он ее заметил и прикоснулся к ней подушечкой большого пальца.

– Что случилось? – снова спросил он.

– Небольшой несчастный случай.

– Еще один? – В его заботе проскользнула подозрительность, от которой меня передернуло.

– У меня все в порядке, – сказала я. Тогда у меня еще была работа. Все находилось в состоянии равновесия, которое он мог только нарушить.

– Ханна, нам надо поговорить. Это ненормально.

Я выдернула из его ладони руку и прошипела:

– А что является нормальным? Может быть, ты сам ненормальный.

Хотя он был, конечно, прав. Все, что происходило, не было нормальным. Все разваливалось. Доказательством этому служило мое тело и эта рана, которую он потрогал пальцем.

Мы сидели в баре и пили почти до рассвета.

– Оставь меня в покое, – сказала я ему и начала открыто «клеить» совершенно незнакомого человека, лицо которого сейчас даже и не вспомню и который никак не поддавался моим чарам. Я пригласила этого незнакомца на танец. Джулиан даже после этого не ушел. Но в конце концов, после того как я достаточное количество раз сказала: «Оставь меня в покое», он взял и сделал, как его и просили.

– Мариотти? – громким голосом спросил Карло.

– Ох, – произнес Стефано.

– Он слишком боится, – прошептал мне Лука. Я не очень поняла, о ком он, но тем не менее утвердительно кивнула и постаралась сесть прямее. Я пыталась имитировать местных женщин, но комната перед глазами начала кружиться и разваливаться на куски. Я видела людей, слышала, что они говорят, но слов не понимала. Потом Джианни встал и объявил:

– О, танцы!

Лука повернулся ко мне.

– Мы танцуем? – спросил он.

Я не хотела танцевать, я даже и представить себе не могла, что в состоянии встать, но было гораздо проще просто идти за ним, чем все это объяснять. Мы вышли в центр танцпола и стали танцевать. Видимо, так уж в жизни заведено – сначала все прекрасно, а потом уже нет, и ты оказываешься там, где совершенно не хотела оказаться, наблюдая весь этот распад. «Не разваливайся, – сказала я себе, – держись!» Но все произошло слишком быстро. Лука улыбнулся, черты его лица стали огромными, он качался из стороны в сторону, и я чувствовала запах его одеколона. Я старалась повторять его движения, но пол под ногами плыл. Я вспомнила естественное и грациозное S-образное движение тела итальянок, старалась его повторить, но ничего из этого не получилось. Было такое ощущение, что позвоночник меня не держит, я слишком далеко отклоняюсь, поэтому мне оставалось только стоять как столб. Толпа сомкнулась, превращаясь в одну гомогенную массу, окружила меня. Меня шатало из стороны в сторону.

Я почувствовала, что меня поддерживают чьи-то руки.

– Пойдем, – сказал Лука, поддерживая меня. – Я отвезу тебя домой, *va bene*?

Я кивнула в ответ. Вокруг меня раздавались голоса, и мне было интересно, что про меня говорят. Тут я осознала, что не в состоянии идти. Зачем? Ну зачем я так много выпила?! Что я за день съела? Я начала с самого утра: кофе, тост.

От прохладного воздуха на улице мне стало немного лучше.

– Прости, – пробормотала я. – То есть *mi dispiace*.

– Ничего, – ответил Лука. – Мне тоже уже пора уходить было.

У него маленький автомобиль, и ехал Лука очень быстро. Огни фонарей за окном слились в одну яркую точку. Через некоторое время мы выехали из парка на старинные улицы города. При подъезде к пьяцца дель Дуомо автомобиль сделал резкий поворот, я ощутила рвотный порыв, схватилась за ручку дверцы и понадеялась, что Лука не заметил, как мне плохо. Но он заметил.

– Все хорошо? – спросил меня Лука. – *Stai bene*?

Я была не в состоянии ему ответить и молча концентрировалась на звуке мотора. Лука остановился у обочины около небольшого бара. Я увидела, как он забежал в бар. Мне было стыдно, хотелось спрятаться или уйти, но я понимала, что это ситуацию не исправит. Я смотрела на огромное здание Дуомо с бело-зелеными полосками на фасаде и на плавающих ангелов. Было такое ощущение, что на площади нет точки, с которой можно увидеть все здание целиком. Было уже очень поздно, но тем не менее на лестнице у входа стоял жонглер в окружении небольшой группки людей. Жонглер что-то говорил, и стоящие вокруг него люди смеялись. Дверь машины открылась, и Лука сел в салон. В руках его был небольшой сверток, и он дал мне бутылку воды без крышки.

– Grazie, – пробормотала я, стараясь улыбнуться. – Слишком много выпила. Просто ужас.

Лука не улыбнулся мне в ответ. Он развернул сверток и дал мне кусок хлеба.

– Ешь. Будешь лучше себя чувствовать.

«Что ты делаешь? – подумала я, а потом: – Как он догадался?»

Я отломала кусочек хлеба, положила в рот и начала медленно жевать, стараясь ни о чем не думать. Я глотала и смотрела на жонглера. Из-за угла собора появились двое мужчин с бутылками пива в руках. Один из них передал свое пиво товарищу, повернулся к стене и начал писать. Струя мочи блестела и играла на фоне мрамора.

– Фу, – произнес Лука, который тоже смотрел на двух мужчин.

Я не знаю, как долго мы просидели в автомобиле. Лука включил радио и передал мне еще несколько ломтей хлеба. Я слушала музыку и медленно жевала переданный Лукой хлеб до тех пор, пока не съела весь. Группа людей вокруг жонглера на ступенях исчезла, а сам жонглер присел и стал считать деньги.

– Allora, – произнес Лука. – Прогуляемся?

Я кивнула. Он помог мне выйти из машины и закрыл автомобиль.

– Я за тобой пойду, – сказал он.

По крайней мере я знала, как отсюда добраться до дома. Мы медленно пошли от Дуомо, пересекли безлюдную в этот час площадь Синьории. Если бы все было по-другому, если бы я не так много выпила, все могло быть даже вполне романтично. Но статуи, которые мне так нравятся, выглядели в лунном свете немного страшно, а меня саму шатало из стороны в сторону, и Лука периодически поддерживал меня под локоть, чтобы я не слишком уклонялась от выбранного курса. Я вспомнила своего первого бойфренда, который был у меня много лет назад. На улице стоял холодный ноябрь, и мы сидели на бордюре тротуара. Я была в легких матерчатых кедах, и мой приятель снял кед с моей ноги и стал греть ступню в ладонях. Я понимала, к чему все это ведет, и знала, что мне надо просто немного подождать. Но сейчас я не ждала, а просто шла. Лука устал и молчал. Мы дошли до реки. В воде отражался свет уличных фонарей.

– Куда? – спросил Лука. Я показала рукой влево, и вскоре мы уже стояли около двери моего дома. Я уже чувствовала, что на следующий день я буду горько жалеть о том, что произошло этим вечером.

Лука взял меня за руку и быстро поцеловал в обе щеки.

– Спокойной ночи.

– И тебе, – ответила я, опираясь на дверную ручку, чтобы не упасть, и стала искать ключи. Я нашла связку ключей и стала перебирать в поиске нужного, которым открывается дверь подъезда. Каким-то чудом я нашла правильный ключ, попыталась вставить его в замочную скважину, но не смогла в нее попасть.

– Подожди. – Лука взял у меня ключ и открыл дверь подъезда. – Я поднимусь с тобой до квартиры, хорошо?

– Но, – поспешно сказала я. Я разозлилась. Карло был совершенно прав по поводу Луки. – Я тебя даже не знаю.

Он рассмеялся. Его смех в окружающем нас полумраке казался мне нежным.

– Я просто доведу тебя до двери, sai?

Я почувствовала, что краснею.

– Grazie, я в полном порядке, – ответила я и зашла в подъезд и, закрывая дверь, увидела удивленное выражение на его лице.

В квартире было темно. Я побрела в спальню, открыла жалюзи и увидела, что Лука медленно идет по улице и исчезает за углом. Меня трясло, и я немного успокоилась после того, как выкурила сигарету. Я курю редко, только в такие дни, как этот. Снова начался дождь, и, стряхивая из окна пепел, я ощутила, что воздух на улице стал холоднее. Я закрыла глаза и начала вспоминать, что съела за прошедший день. Строила свою пирамидку. Ох, длинный был день, столько всего в нем было. Кофе. Салат. Постепенно я добралась до момента своего прихода в клуб и поняла, что было бы неплохо хотя бы приблизительно вспомнить, сколько выпила. Потом я вспомнила куски хлеба, которыми, словно во время причастия, меня кормил Лука в машине. Я старалась об этом позабыть, мысленно заставить себя видеть лишь одну его руку, протянутую в жесте доброты. Но потом потерялась и рука. Нет, не надо. Голова начала гудеть. Я бросила сигарету на улицу, стремительно побежала в ванную, и меня вывернуло наизнанку.

Глава 5

Я проснулась на следующее утро и увидела, что дождь все еще не закончился. В гребном клубе все тренировались в этот день в помещении: народу набилось много, громкие звуки работы на тренажерах, старики, сидевшие на улице у реки, переключались в бар. Я приняла решение сегодня не идти в клуб. Надо было начать искать работу, но я и этого не сделала.

Вместо этого я пошла в церковь Сан-Фредиано, расположенную на другой стороне реки в районе под названием Ольтарно. Лука был совершенно прав – эта церковь удивительно красивая. На стене церкви небольшая табличка с информацией о том, что в монастыре жила и умерла Мария Магдалина де Пацци[10 - Maria Maddalena de' Pazzi, 1566–1607, католическая святая, монахиня-кармелитка, мистик (прим. пер.)]. На территории церкви святой посвящена

целая часовня, в которой я увидела картину с изображением Марии в состоянии экстаза. На выпуклом потолке купола нарисовано, как Мария приветствует души праведников в раю с распростертыми объятиями. Вот, значит, что Лука порекомендовал мне посмотреть. Больше какой-либо информации у меня нет ни в тоненькой брошюрке, которую мне вручили у входа, ни в моем путеводителе. Ворота расположенного рядом женского монастыря оказались закрыты.

Я зашла в кафе поблизости от церкви. День серый, и мне хотелось согреться. Я выпила кофе и не торопилась уходить. Я провела в этом кафе практически до вечера: читала и сквозь большое окно смотрела, как люди пробегали под дождем. Я вернулась в это кафе на следующий день и в день после этого. Официанты ничего не имели против того, что я пью кофе, заказываю салат, а потом бокал вина. Постепенно заведение начинало пустеть, посетители исчезать, и я слышала, как работники кафе начали мыть посуду, ужинать и громко смеяться. Я смотрела, как серый свет освещает столы и окна кафе и отражается в моем бокале.

Я читала про Екатерину Сиенскую. В подростковом возрасте она умоляла родителей разрешить ей вступить в доминиканский орден «кающихся сестер», которых так называли в Сиене из-за их накидок – мантеллаты – и который состоял из престарелых вдов, проживавших в базилике Сан-Доменико, но родители отказали, так как она не была вдовой. Екатерина не хотела выходить замуж. Она разыграла свою «козырную карту» – стала болеть. Отец отвез ее на термальные источники, но горячая вода не улучшила ее здоровья. «Моя болезнь – это знак Господа», – сказала она родителям, после чего те разрешили дочери молиться с вдовами, и Екатерина исцелилась.

У Екатерины были видения, и она периодически входила в состояние экстаза. Находясь в экстазе или в трансе, она не чувствовала боли, когда люди, считавшие, что она симулирует, втыкали ей в ноги иголки. Ее видения, а также то, что она утверждала, что стала «Христовой невестой», обеспечили ей популярность. Потом она начала исцелять хромых, высасывала яд змей из укусов и гной из ран больных. Она научилась читать, стала активно участвовать в политической жизни и переписываться с папой римским.

Святая Екатерина очень мало ела. В возрасте восьми лет она перекладывала мясо из своей тарелки в тарелку брата, а к тому времени, когда ей исполнилось шестнадцать, питалась только фруктами и овощами. После еды она при помощи перышка или стебля укропа вызывала рвоту и избавлялась от всего того, что

съела.

Одному из посетителей кафе принесли заказанное им блюдо, запах которого дошел до меня, и в моем животе все сжалось – сначала от голода, а потом от отвращения к еде. Я прекрасно понимала поведение святой, отказывавшейся от пищи. Я прекрасно помнила, когда я сама начала ощущать яркие и странные переживания:

Озноб.

Мне казалось, что солнце светит слишком ярко.

Звуки казались слишком громкими и навязчивыми.

Потом я начала внимательно отслеживать и запоминать все то, что съела. После этого окружающие стали восторгаться моей худобой, а потом задавать вопросы. «Как тебе это удастся?» – интересовалась Клавдия, глядя на мою худобу в декабре, январе и феврале. В голосах Клавдии и других, восторгавшихся моим внешним видом, звучал вопрос: «Как тебе удастся победить плоть?» После того как Екатерина стала мантеллатой, она практически перестала есть. Мое тело остается без еды, в таком состоянии сладкой пытки, которое я еще никогда не испытывала. Екатерина была пустой и открытой. Мне хотелось думать, что она ни с кем не делилась сладостью своей боли. «Мое тело принадлежит Тебе», – писала она.

Письма Екатерины преисполнены любовью. Душа не может жить без любви. Душа соединяется с предметом любви и изменяется под влиянием этого чувства. Я завидовала экстазу, испытанному святой, которая сделала себя совершенно пустой, освободила от лишнего. Можно ли назвать любовью то, что она переживала? Являются ли любовью вызванные голоданием состояния транса? Любовь, как мне кажется, – это своего рода передача. Визуализация и последующая передача видения, с размытием всех границ до тех пор, пока остается только объект твоей любви. Я очень надеялась на то, что что-то подобное произойдет в моих отношениях с Джулианом. Надеялась на то, что с ним я уже не буду просыпаться по утрам, мечтая вернуться в сны, которые не приносили облегчения. Но Джулиан оказался слабее нового утешения, которое я себе нашла. И он отпал, как отпали и все остальные.

На второй день пребывания в кафе я уже почти дочитала биографию святой до конца. «Душа всегда полна грусти, – писала Екатерина. – Душа не выносит саму себя». На улице люди под дождем бежали на вечернюю службу в церкви. Начали яростно бить колокола, и передо мной появился один из сотрудников кафе.

– Еще один стакан? – спросил он меня, приподнимая мой бокал.

– S?, – ответила я, внутренне желая только того, чтобы он побыстрее ушел и дал мне спокойно послушать колокольный звон. Колокола исполняли знакомый мне гимн, от которого я ощущала прилив счастья. Несмотря на то что на улице серо и дождливо, я боялась того момента, когда звон начнет затихать, а испытываемые мной чувства исчезать. Я закрыла глаза и слушала колокольный звон, который спрашивал меня: «Что ты ищешь? Что ищешь ты?»

На третий день дождь закончился и погода стала снова солнечной, но я не пошла в клуб, а с книгой в руках вернулась в то кафе. Я дала себе слово, что, как только закончу биографию святой, начну искать работу. До отъезда из Флоренции мне осталось три недели. Всего три недели.

На этот раз я села не внутри кафе, а снаружи. Солнце сияло, и угол террасы кафе, где я сидела, стал местом, на котором останавливалось и ненадолго задерживалось много разных людей. Сперва я увидела, как молодая женщина на высоких блестящих каблуках оперлась о стену здания. Она запрокинула назад голову и стала смеяться над шуткой своего спутника. Потом на этом месте замер, зажмурив глаза, старый мужчина.

Я сидела на улице и боялась того, что мимо меня пройдет кто-нибудь из клуба. И действительно, ближе к вечеру я увидела, как из-за угла вышла Франческа в сопровождении своей дочери. Ее дочь, хотя на вид ей одиннадцать или двенадцать лет, ростом была почти с маму, но лицо у нее еще детское. Девочка несла привязанный к бамбуковой палочке воздушный шарик, на котором было изображение солнца. Девочка смотрела на шарик, Франческа просила ее поторопиться, и вот через секунду она заметила меня.

– Ханна! Come stai?

– Вене. – Я надеялась на то, что говорю будничным тоном. Ее дочка посмотрела сначала на меня, а потом на свой шарик, и тут я поняла, что это совсем не воздушный шарик, а фонарик с бумажным абажуром. Фонарик раскачивался из стороны в сторону в воздухе, и изображение, напечатанное краской цвета металлик на его округлости, отражало солнечный свет.

– Что-то ты исчезла, – сказала Франческа. – Ты где пропадала?

Я не могла доверять своему голосу, не хотела говорить и поэтому неопределенно пожала плечами. Потом сделала глоток воды.

– Ты знакома с Адрианой? – Франческа легонько ущипнула руку дочери, после чего девочка протянула ее мне для приветствия.

– Buonasera, – сказала девочка, смотря мне прямо в глаза. Она улыбнулась, но ее улыбка исчезла, как только послышался голос ее матери.

– Что читаешь?

Я показала ей обложку книги.

– А, святая Катерина? Занятно. Ты знаешь, что в Сиене есть ее голова?

– Знаю, я даже ее видела.

– Allora, мы идем на пьядца делла Сантиссима Аннунциата[11 - Площадь Святейшего Благовещения (прим. пер.)], где будет проходить фестиваль бумажных фонарей Festa della Rificolona. Слышала о таком? Это фестиваль для детей. Я бы сказала, что для маленьких детей. – И потом добавила тихим голосом: – Но она хочет на него сходить.

Адриана снова на меня посмотрела.

– Пойдем. Там будет много детей и туристов, но тебе может понравиться. Заодно и поболтаем.

В моей голове была блаженная пустота. Я сделала глоток воды. Я не в состоянии была придумать причину, по которой могу отказаться от ее предложения.

– Хорошо, – ответила я и оставила на столике несколько банкнот.

Мы направлялись к реке, и солнечные блики от воды слепили мне глаза. Напротив магазина мороженого в конце старого моста Понте-Веккьо толпились люди. Расположенные на мосту ювелирные магазины открыты. С моста видна площадка около гребного клуба, на которую с возвращением хорошей погоды выползли старики. Я увидела Стефано, стоящего у понтона. Он прикрыл глаза ладонью и что-то кричал подросткам в байдарках. Я поискала глазами Луку, но не нашла его.

– Почему ты не приходила в клуб? – спросила Франческа, словно читая мои мысли. – Ты кого-то избегаешь? – Она приподняла брови.

– Нет.

– Да? Такое тоже может случиться.

– У меня были дела, – сказала я, но у меня сложилось такое ощущение, что Франческа меня не слышала.

– Избегать кого-либо просто бесполезно. Флоренция – это настоящая деревня. Мне все равно, что обо мне тебе рассказывают другие. Здесь ни от кого невозможно спрятаться.

– В Бостоне то же самое. Наверное, все города одинаковые, как только ты в них поживешь некоторое время.

– Только не Флоренция, – покачала она головой. Мы приблизились к площади, и народу стало больше. Повсюду были дети с бумажными фонарями. Франческа подталкивала впереди себя Адриану и повышала голос, чтобы я могла услышать ее в окружающей нас толпе людей. – Я приехала сюда из большого города и думала, что переезжаю в большой город. По крайней мере мой муж так утверждал. «Исторический и культурый центр». Не верь, когда тебе это будут говорить. Здесь ни от кого не спрячешься. – Она замолкла, и потом, словно для

того, чтобы доказать все то, что мне сказала, произнесла: – Я слышала, что ты ушла с вечеринки вместе с Лукой.

Я покраснела и попыталась оправдаться:

– Он просто вывел меня наружу. Вот и все.

– Конечно. Тебе нечего стесняться, ты же взрослая. Лука, – задумчиво произнесла она. – Он ухаживал за многими женщинами. И одна из них разбила его сердце. Это меняет человека, согласна?

– Не знаю, – сказала я. – У нас ничего не было. Я вообще здесь ничего не ищу.

– *Va bene*, – ответила она. – Просто хотела сообщить тебе эту информацию. Эти мужчины совершенно непредсказуемые.

Адриана обернулась и посмотрела на нас.

– У тебя в школе есть английский? – спросила я ее, и она кивнула в ответ.

– Она прекрасно говорит по-английски, – громко заявила Франческа. – В тех случаях, когда вообще разговаривает. Если честно, мне иногда кажется, что я живу в церкви.

Я посмотрела на девочку. Она уже ушла вперед и присоединилась к толпе других детей, над головами которых колыхались бумажные фонарики.

Франческа завела меня на ступени перед расположенной около моста старой больницей. Вдоль портика между заканчивающимися арками колоннами, на фронтоне здания я увидела архитектурные элементы-медальоны, на которых на синем фоне были изображены белые фигуры детей. Я смотрела на детские изображения, которые снизу казались мне совсем маленькими, и думала о том, когда же у меня потечет кровь, когда возобновятся месячные в моем иссушенном и изможденном теле. В конце здания в стену было вставлено большое деревянное колесо. Я читала, что много веков назад на этом колесе жители оставляли своих детей, от которых хотели отказаться. Они клали ребенка на колесо и вращали колесо до тех пор, пока ребенок не оказывался на

территории детского приюта.

Сегодня на площади было много детей. Самые маленькие из них сидели на плечах у родителей, а те, которые постарше, вроде Адрианы, ходили по площади среди сверстников. У каждого ребенка над головой реял бумажный фонарик.

– Это часть праздника Мадонны, – объяснила Франческа, глядя на площадь. – Клянусь, что в этом городе больше праздников, чем людей... При этом я выросла в католической семье, и мои родители заставляли меня участвовать во всех этих празднествах. А ты как к религии относишься?

– Мои родители не были верующими. Моя мать верит в йогу и в работу.

– Ха! А твой отец?

– Возможно, что сейчас он и ходит в церковь, но все это влияние его второй жены. Даже если он и нашел Господа, то на отношение к его детям это никак не повлияло. Его и раньше особо не было, и сейчас он с нами не общается.

– Сочувствую.

Солнце исчезло за домами, и в воздухе начало пахнуть серой оттого, что внутри фонариков зажгли свечи.

– В общем, завтра очередной праздник – день рождения Мадонны. Снова надо идти в церковь.

Появилась Адриана в сопровождении какой-то девочки, которая поздоровалась с Франческой и что-то шепнула на ухо подруге, пока та наклоняла свой фонарик в нашу сторону. Франческа зажгла свечку в центре фонарика. Изображенное на фонарике солнце начало играть в свете свечи. По всей площади зажигались свечи внутри фонариков, и изображения на их бумажных боках становились более четкими. Я видела головы животных, звезды, а также несколько крупных точек, составляющих герб семьи Медичи. На фонарике подружки Адрианы был изображен улыбающийся Чеширский Кот. Толпа пришла в движение, фонари заколыхались, и Франческа взяла меня за руку. Следуя за двумя девочками, мы

вышли на окруженную старинными зданиями площадь, наполненную светящимися и колыхающимися бумажными фонарями.

– Шествие идет вдоль реки, – объяснила Франческа.

Я услышала крики в толпе и увидела, что один из фонариков взорвался. Держащая фонарик маленькая девочка начала плакать, а обрывки бумаги упали на камни площади. Адриана и ее подруга начали оглядываться по сторонам. В их глазах я увидела возбужденное ожидание.

– А это еще зачем? – спросила я Франческу.

– Не переживай, – ответила она. – Все идет по плану. У некоторых мальчиков есть трубки, из которых они стреляют горохом. – Тут начал звонить ее телефон. – Подожди, – произнесла Франческа, посмотрела на номер звонящего, улыбнулась и только потом ответила: – Pronto? S?... Да, я с Ханной. Ты ее знаешь... S?, certo. На мосту Понте-алле-Грацие... Хорошо. Позже. – Она захлопнула «раскладушку» своего телефона. – Вот, смотри, один из этих мальчишек.

Впереди нас в толпе пробежал мальчик. Он поднес ко рту трубочку и нацелился на фонарик с изображением светящегося льва. Потом он подул в трубочку, и фонарик лопнул.

Франческа покачала головой.

– Именно так ведут себя все мужчины, согласна?

Мальчик нацелился в другой фонарик, но на этот раз промазал. Стемнело, и из окон окружающих домов высунулись люди и стали смотреть на шествие фонариков. Мы наконец дошли до реки. Сюда стекались люди из соседних улиц, и фонариков становилось все больше и больше. На быстрых водах Арно покачивались лодки, в которых сидели люди с фонариками. Большое скопление лодок я видела и у моста Понте-алле-Грацие.

– Питер! – крикнула Франческа, и я заметила молодого американца, облокотившегося на стену около моста. Она схватила его за руку и поцеловала в обе щеки.

– Ciao, Ханна, – сказал он, залившись румянцем. Адриана повернулась и посмотрела на нас. Ее лицо не выдавало ее чувств. Потом она взяла подругу под руку и продолжила молча идти. Питер бросил взгляд на Франческу.

– Не волнуйся, – произнесла она. – Нет проблем.

– Так вы, значит, начали от пьядцы? – спросил бодрым голосом Питер. – Потрясающий праздник, его только во Флоренции проводят. – Он на мгновение замолчал и добавил: – Нам тебя очень в клубе не хватало.

– Спасибо, – ответила я, хотя после того, что мне рассказала Франческа, мне не очень было понятно, кого именно он имел в виду под «нам». Я пыталась вспомнить завершение вечера в танцклубе и то, кто мог видеть, как мне стало плохо. Но я ничего не припоминала, думать на эту тему – значит попусту тратить время.

– А ты на реку уже выплывала? – поинтересовался Питер.

– Нет, думаю, что мне еще рано.

– Обязательно попробуй. Я могу помочь, если хочешь. Да и Франческа в этом смысле молодец.

Она шутливо ударила его по руке, и Питер ухмыльнулся.

Дети вокруг нас начали петь. Они многократно повторяли одни и те же слова, поэтому в конце концов я стала в состоянии их разобрать: Она, она, она. Ma che bella rificolona. La mia l'è co' fiocchi e la tua l'è co' pidocchi.

Какой прекрасный фонарь, мой перевязан лентами. Однако последняя фраза меня несколько смутила.

– Pidocchi? – спросила я.

– Вши, – перевела Франческа.

– А при чем тут вши?

Она пожала плечами: «Откуда я знаю?»

– Всеми есть свое объяснение, – радостно произнес Питер.

Франческа взяла его под руку.

– Ах ты, маленький профессор. Я сказала Ханне, что все это из-за католицизма. Ты будешь со мной спорить?

– Нет, не буду, – со смехом ответил он, притягивая ее поближе, и потом повернулся ко мне. – Это действительно связано с католицизмом. Однако раньше этот праздник сопровождался одной из самых больших ярмарок всего года. Крестьяне приезжали из деревень, чтобы продать свои товары, и на площади не было места, поэтому все приезжали в ночь до наступления дня, чтобы занять себе место.

– А-а, – сказала Франческа. – Это объясняет появление фонариков.

– Верно, – сказал Питер.

– Она, она, она. – Песня звучала все громче и громче. На следующем мосту впереди нас свет стал подниматься горизонтально вверх – люди расходились.

– А при чем здесь вши? – спросила я.

– Крестьяне, конечно, одевались для этого случая в лучшую одежду, но горожане все равно считали их вшивыми чурбанами. И жившие в городе дети стреляли в их фонарики.

– S?, – рассмеялась Франческа. – Флорентийцы очень высокомерные, но? С тех пор прошли сотни лет, а ничего не изменилось. – Она вздохнула и положила голову на плечо Питера.

– Мне пора, – сказала я, когда мы подошли к следующему мосту. Парад превращался в вечеринку. Взрослые собрались группами, а оставшиеся целыми фонарики дети бросали на улице или начинали друг за другом с ними бегать.

– Я рада, что ты пошла с нами, – произнесла Франческа и обняла меня.

Питер поцеловал меня в обе щеки.

– Увидимся завтра, – сказал он. – Выплывай на реку, хорошо?

Я хотела сказать по, но тут появилась Адриана. В ее руках был пробитый фонарик, но она не плакала, а, наоборот, выглядела очень радостной.

– Лопнул! – сказала она матери и продемонстрировала свой пробитый фонарик. Если фонарик пробит, значит, кто-то хотел показать девочке, что он к ней не равнодушен.

– Brava, brava. – Франческа впервые за вечер улыбнулась своей дочери.

– Ну ладно, – сказала я Питеру. – Увидимся на реке.

В ту ночь я дочитала последнюю главу из книги о святой, жизнь которой, как и жизнь многих других великих людей, была короткой. Она умерла в возрасте тридцати трех лет от крайнего нервного и физического истощения. К концу жизни она пила только воду и ела облатки или гостии Святого причастия.

Глава 6

– В первый раз? – спросил Корреджио.

– S?, – ответила я, стараясь придать голосу больше уверенности.

Мы стояли в коридоре в помещении клуба и выбирали байдарку. Корреджио занимается ремонтом и обслуживанием лодок и помогает гребцам-одиночкам, как я, донести их до берега. Он уже немолод, и у него добрая улыбка, но он практически не говорит по-английски.

– Итак. – Он посмотрел на меня, а потом на лодки. – Persefone, – добавил он через мгновение. Это не самая широкая байдарка, но все же достаточно широкая для того, чтобы быть похожей на обычную весельную шлюпку. Из-за ее ширины перевернуть байдарку не так-то просто. – S?. Persefone.

Он взял байдарку за нос, медленно снял ее с подпорок и положил на мое плечо. Потом обошел меня, взял лодку за корму и положил ее на свое плечо. Только после этого я ощутила вес байдарки. Тяжелая лодка вгрызлась в мое плечо до кости. Я придерживала ее обеими руками, чтобы она не упала.

– Пойдем, – скомандовал Корреджио, и мы стали двигаться по коридору.

– Ciao, Ханна из Бостона, – поприветствовал меня Мануэле, когда мы прошли мимо него. Мы вышли на солнце, спустились по кирпичным ступеням прямо до металлического понтона. Солнце сияло так, что и не подумаешь, что сейчас уже понедельник в месяце сентябре. Сверху из двора музея Уффици раздавался джаз, люди наклонялись за парапет набережной, на старом мосту вспыхивали фотокамеры туристов. Все, словно лето еще в полном разгаре.

Корреджио снял с плеча корму, и я скопировала его движения. Мы повернули байдарку днищем вниз и опустили в воду. Корреджио одной рукой держал лодку, а другую протянул мне. Я поставила ногу на дно байдарки, которая начала зыбко качаться. Качался и понтон пристани. Потом я поставила в лодку вторую ногу и села на деревянную скамейку. Когда я не стою на твердой земле, то чувствую себя не очень уверенно. На воде пока никого не было, и я этому была рада. Корреджио положил мою ладонь на край понтона и сжал, показывая этим, чтобы я держалась, после этого произнес: «Un momento», – и исчез в помещении клуба. Он быстро вернулся с двумя веслами на плече, вставил их в уключины и крепко держал борт байдарки, пока я не взялась за весла. «Ох, не отпускай», – подумала я.

Но Корреджио одобрительно улыбнулся, произнес «a dorò» и оттолкнул лодку от берега, даже не сказав, что мне делать и как себя вести. Байдарка отплыла от понтона и стала покачиваться из стороны в сторону. Он помахал мне рукой и потом вернулся в клуб. Я чувствовала, что меня парализовал страх, и оказалась совершенно беззащитной на открытом пространстве водной глади. Я огляделась через плечо на Понте-алле-Грацие. Я даже заранее не думала о том, что мне придется грести, сидя спиной по направлению движения, и придется управлять байдаркой, не видя, куда она движется. Лодку начало кружить, и я поняла, что

мне необходимо что-то предпринять. Мне надо было грести. Грести слаженно и ритмично. Я представила себя сверху. «Лодка – это рыба, – думала я. – Нет, лодка – это птица с длинными деревянными крыльями. Или человек с вытянутыми руками и закругленными ладонями, раскрашенными бело-красными полосками, которыми можно дотянуться до воды».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Старый дворец, здание во Флоренции, на площади Синьории, построенное в 1299-1314 гг., одно из наиболее известных строений города (прим. пер.).

2

Кафедральный собор во Флоренции, самое знаменитое из архитектурных сооружений флорентийского кватроченто. Находится в самом центре города, на соборной площади (прим. пер.).

3

L-образная площадь перед дворцом палаццо Веккьо во Флоренции (прим. пер.).

4

Праздник, который отмечают итальянцы 15 августа – Успение Богородицы или Вознесение. Он завершает сезон больших летних работ. В обрядах этого дня слились элементы христианства и язычества (прим. ред.).

5

Центральная площадь города Сиены (прим. пер.).

6

Екатерина Сиенская, Caterina da Siena (ит.); урожденная Катерина ди Бенинкаса, 1347–1380, терциарка (монахиня в миру) доминиканского ордена, итальянская религиозная деятельница и писательница позднего Средневековья (прим. пер.).

7

Тереза Авила-ская, имя в миру – Тереса Санчес д’Авила-и-Аумада, 1515–1582, испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создатель орденской ветви «босоногих кармелиток».

8

Итальянский футбольный клуб из Флоренции, существует с 1926 г. Двукратный чемпион Италии и по меньшей мере шестикратный обладатель Кубка Италии (прим. пер.).

9

Церковь посвящена святому Фридиану – раннехристианскому ирландскому паломнику, ставшему епископом города Лукка (прим. пер.).

10

Maria Maddalena de' Pazzi, 1566–1607, католическая святая, монахиня-кармелитка, мистик (прим. пер.).

11

Площадь Святейшего Благовещения (прим. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/cheffi_dzhessi/vostorg-moya-florenciya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)